

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки: за годъ—5 р. 30 к., за полгода—3 р. 70 к., за 3 мѣсяца—2 р. 70 к., за 1 мѣсяць—70 к.

Съ доставкой и пересылкой: за годъ—6 р., за полгода—4 р., за 3 мѣсяца—3 р., за 1 мѣсяць—1 р.

За перемѣну адреса взымается три 7-ми-копѣчныхъ марки. Разсрочка по соглашенію съ редакціей. За отдѣльными нумерами по 20 коп. за каждый.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 12 ч. д. до 6 ч. веч.; въ праздники—отъ 12 до 2 час. дня.

ТАКСА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ. Разсчитать за строку петита, или за мѣсто, отъ 25 до 50 разъ—по 10 коп. За объявленія на первой страницѣ плата увеличивается по 10 коп. на строку. Украшенія и клише оплачиваются 20% дороже обыкновенн. объявл. Адресы лицъ, ищущихъ уроковъ или мѣсть прислуги, оплачиваются по 15 к. за двѣ строки. За разсылку объявленій при газетѣ—по 50 к. съ сотни напечатанныхъ въ типогр. Полковой, съ остальныхъ—1 р. за сотню. Объявленія, предназначеныя въ слѣдующій №, должны быть переданы не позже Воскресенья, до 2 ч. дня.

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦІИ, присылаемыя для напечатанія въ „Екатеринбургской Недѣлѣ“, адресуются въ ея редакцію, съ обозначеніемъ имени автора, его адреса и условий. Статьи, присылаемыя безъ означенія условий, считаются безылатными. Присылаемыя статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію по усмотрѣнію редакціи. Плата за статьи, замѣтки и корреспонденціи—отъ 2 до 5 коп. за строку. Ненапечатанныя статьи по почтѣ ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, а выдаются изъ редакціи лично до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ; послѣ этого срока уничтожаются.

50 №№ въ годъ.

ВЫХОДИТЬ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ

принимаются: въ Екатеринбургъ—въ конторѣ редакціи, по Театральной улицѣ, домъ Протасовой; въ Петербургъ—въ конторѣ коммисіонера казенныхъ заводовъ А. А. Изюмова, Мойка, д. № 93; въ Москвѣ—въ „Центральной конторѣ объявленій“ (Л. Метцль), Петровка, домъ Солодовникова.

Требованія иностран. лицъ и бюро и всѣхъ отдаленныхъ русскихъ конторъ, кромѣ сиб. и сибире., принимаются исключительно чрезъ „Централ. контору объявленій“ Л. Метцля. Розничн. продажа №№ „Екат. Нед.“—въ конторѣ редакціи и въ магазинѣ Пономарева.

ею занимаемое:—отъ 1 до 9 разъ—по 15 коп.; отъ 10 до 24 разъ—по 12 к.; отъ 25 до 50 разъ—по 10 коп. За объявленія на первой страницѣ плата увеличивается по 10 коп. на строку. Украшенія и клише оплачиваются 20% дороже обыкновенн. объявл. Адресы лицъ, ищущихъ уроковъ или мѣсть прислуги, оплачиваются по 15 к. за двѣ строки. За разсылку объявленій при газетѣ—по 50 к. съ сотни напечатанныхъ въ типогр. Полковой, съ остальныхъ—1 р. за сотню. Объявленія, предназначеныя въ слѣдующій №, должны быть переданы не позже Воскресенья, до 2 ч. дня.

ТИПОГРАФІЯ,

ЛИТОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

Е. А. ПОЛКОВОЙ

переведена съ 11-го Юня въ домъ жены статскаго совѣтника Протасова (черезъ домъ отъ театра). Кромѣ заказовъ на типографскія, литографскія и переплетныя работы, въ конторѣ этой типографіи принимаются какъ подписка на „Екатеринбургскую Недѣлю“, такъ и статьи и объявленія для помѣщенія въ этой газетѣ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Р. А. ВАРСЪ

Дерптскаго Университета—

пробудеть въ Екатеринбургѣ

до 20-го Юня.

Американская гостинница, на Покровскомъ проспектѣ.

Въ Москвѣ: на углу Тверской и Газетнаго пер., д. Квашинскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду необходимости продажи имущества, завѣщаннаго покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. К. Чупинымъ ввѣренному нашему попеченію сиротѣ, и въ предупрежденіе могущихъ возникнуть впоследствии недоразумѣній, имѣемъ честь покорнѣе просить всѣхъ лицъ, имѣющихъ какія-либо претензіи къ имуществу умершаго, заявить онѣмъ намъ не позже 1-го Августа сего года.—Выстѣ съ тѣмъ повторемъ настоятельную просьбу всѣмъ лицамъ, у которыхъ остались еще предметы, принадлежавшіе покойному ученому, о возвращеніи онѣхъ. Екатеринбургъ, 12 Юня 1883 года.

Опекуны: О. Клеръ.

П. Вологодскій.

ПРОДАЕТСЯ за ненадобностію: верховая заводская лошадь и новое сѣдло—работы „Вальтеръ и Конъ.“ О цѣнѣ узнать по Набережной улицѣ, въ д. Петрова, квартира Митгевича, у кучера Семена. 235

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ Зыкина, въ Фетисовской улицѣ. 5—2—1.

ОТДАЕТСЯ

КВАРТИРА ВЪ ДОМѢ ПОЛКОВОЙ:

или весь домъ, или одинъ верхній этажъ (по Васенцовской улицѣ). Объ условіяхъ узнать тамъ же.

ОТДАЮТСЯ подвалы каменные, со сводами, при домѣ купца Н. И. Лагуляева. Объ условіяхъ спросить хозяина.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника, бывшаго купца Федора Тарасова Сырейщикова, симъ объявляетъ, что въ присутствіи его, 28-го Юня настоящаго 1883 года, въ 11 часовъ утра, въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ, въ залѣ гражданскаго отдѣленія суда, означеннымъ конкурснымъ управленіемъ будетъ продаваться съ публичнаго торга, на удовлетвореніе кредиторовъ Сырейщикова, слѣдующее недвижимое имѣніе, принадлежащее несостоятельному должнику Федору Тарасову Сырейщику: двухъ-этажный каменный домъ, крытый желѣзомъ, съ надворными строеніями: а) бревенчатой конюшней б) деревяннымъ навѣсомъ в) деревянными воротами и г) усадебной землей подъ домомъ, надворными строеніями и дворомъ, въ длину по улицѣ 8½ сажень, а въ поперечникѣ 15½ сажень. Имѣніе помѣщается въ 1-ой части г. Екатеринбурга, по Уктусской улицѣ, между домами наследниковъ Филарета Козлова и Дмитрія Максимова. Имѣніе не заложено. Торгъ начнется съ 5000 руб. серебромъ. Документы на продаваемое имѣніе можно разсматривать во всякое время въ квартирѣ предсѣдателя конкурснаго управленія, присяжнаго повѣреннаго Севера Александровича Бибикова, живущаго въ г. Екатеринбургѣ, по Соборной улицѣ, въ домѣ Загайнова.

ЗЕМСТВО, ГОРОДА И ЗАВОДЫ.

Было время, когда арестантовъ водили въшкомъ, когда путь отъ Петербурга до Екатеринбурга совершался ими въ теченіи цѣлаго полугода. Помните, что когда зашла рѣчь объ измѣненіи этого порядка, то-есть, когда подняли вопросъ о перевозкѣ арестантовъ, то тутъ фигурировали не столько денежныя расчеты, сколько желаніе, хоть до нѣ-

которой степени, облегчить участь осужденныхъ. И къ этимъ преступникамъ явилось чувство жалости, и имъ не было отъезано въ извѣстной долѣ вниманія. Какъ же должно, послѣ этого, наше общество отнестись къ тѣмъ несчастнымъ, которые ничѣмъ не провинились передъ нимъ и которые лишились разсудка?! Неужели эти несчастные хуже арестантовъ, что на долю ихъ не хватаетъ у насъ и настолькоъ гуманности, чтобы устроить для нихъ болѣе удобный способъ пересылки ихъ въ Пермь, въ больницу душевно-больныхъ?—Этихъ несчастныхъ везутъ на перекладныхъ, когда параллельно идетъ линия желѣзной дороги. Взамѣнъ лица изъ медицинскаго персонала, такихъ несчастныхъ сопровождаетъ нерѣдко весьма суровый полиціантъ, нагрядающій больнаго тычками и пинками, а подчасъ и такими колотушками, которыя оставляютъ слѣды на тѣлѣ несчастнаго. Думаемъ, читали не забыли того вопіющаго случая, который былъ, какъ-то, описанъ въ нашей газетѣ, когда больной былъ избитъ до того, что все лицо его обратилось въ сплошное кровавое пятно. Развѣ одного такого факта недостаточно было, чтобы обратить на это вниманіе? Добавьте же къ этому заявленію въ печати врача, завѣдывающаго больницей душевно-больныхъ, о томъ, что это явленіе не единичное, а постоянно повторяющееся, и вы увидите, что есть надъ чѣмъ тутъ призадуматься. Мы щедрѣе, когда дѣло идетъ о прибавкѣ жалованія нашему благопріятелю, особенно если мы въ этихъ расходахъ не участвуемъ; но когда дѣло касается увеличенія ассигнованія для доставленія удобствъ передвиженія умалишеннымъ, намъ жалко добавить рублей 500, или много: 1000 въ годъ! Но еще вопросъ, нужно ли такое доассигнованіе, еслибы было порѣшено перевозить умалишенныхъ по желѣзной дорогѣ. Если немного только пошевельтъ мозгами, то мы увидимъ, что дѣло пересылки умалишенныхъ изъ Екатеринбургa въ Пермь можно обставить не дороже, чѣмъ это обходится при передвиженіи ихъ на лошадяхъ. Дѣло въ томъ, что по направленію отъ Перми въ Екатеринбургъ перевозится такая масса арестантовъ, что желѣзной дорогѣ безпрестанно приходится возить обратно арестантскіе вагоны пустыми. Еслибы Пермская губернская земская управа потрудилась войти въ соглашеніе съ управленіемъ Уральской дороги относительно перевозки умалишенныхъ, хоть разъ или два въ недѣлю, въ этихъ пустыхъ вагонахъ, то такой способъ пересылки умалишенныхъ, мы увѣрены, оказался бы не только не дороже теперешняго, но даже дешевле. А что для больныхъ это оказалось бы несравненно удобнѣе, это не подлежитъ сомнѣнію. Имъ не пришлось бы подвергаться дѣйствию зноя, илы, дождя и холода, да и время странствованія ихъ сократилось бы значительно. Наконецъ, при такомъ способѣ пересылки, можно бы имѣть ностояннаго фельдшера, который сопровождалъ бы больныхъ, да и полицейскихъ-то не отрывали бы такъ надолго отъ дѣла для сопровожденія больныхъ, какъ теперь. Притомъ же, едвали намелся бы тутъ смѣлый держиморда, который рѣшился бы избить умалишеннаго на глазахъ публики и фельдшера. Подумайте-ка, гг. председатели и члены губернской земской управы, объ этомъ и облегчите участь ни въ чемъ не провинившихся передъ обществомъ несчастныхъ умалишенныхъ!

Нѣсколько словъ о состояніи Пермской общественной библиотеки.

(Продолженіе.)

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о каталогѣ библиотеки. Каталогъ этотъ составленъ довольно небрежно въ 1878 г. г. Грибелемъ, который былъ въ то время управляющимъ библиотеки. Нерѣдко г. Грибель, относя въ тотъ или другой отдѣлъ извѣстное сочиненіе, очевидно, не имѣлъ яснаго представленія объ его содержаніи. Отсюда произошло то, что многія книги и статьи находятся совсѣмъ не въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ бы имъ слѣдовало быть, что производитъ въ каталогѣ немалую путаницу и сильно затрудняетъ справки по нему. Для того, чтобы найти, напр., историческое сочиненіе, нерѣдко приходится перерывать отдѣлы и философіи, и поли-

тической экономіи и даже словесности. Совершенно произвольное, ничѣмъ не оправдываемое размѣщеніе сочиненій встрѣчается рѣшительно въ каждомъ отдѣлѣ. Тамъ, въ отдѣлѣ богословія и философіи, неизвѣстно зачѣмъ, попало: „Боярыня Морозова“—Тихонравова, „Унитаризмъ и Федерализмъ“—Павловскаго, „Современное движеніе въ антропологию“—Брауна (который почему-то названъ *Бракомъ*), „Бракъ по Еврейскому праву“—Думашевскаго, и что всего курьезнѣе, статья Туръ: „Женщина по Мишле.“ Въ отдѣлѣ правовѣдѣнія неожиданно затесались: „Умственная жизнь въ Англіи“—Кэри, „Заграничная Жизнь“—Конради, „Антропология и Дарвинизмъ“—Мечникова; какія-то „Цисьяма изъ Угорщины,“ „Вооруженныя силы Россіи“—Өаддеева, множество статей Шашкова и Шелгунова, не имѣющихъ съ правовѣдѣніемъ ничего общаго, и т. п. Чуть не половина этого отдѣла состоитъ изъ сочиненій, вовсе къ нему не относящихся. Въ отдѣлѣ исторіи мы находимъ книги юридическаго, политико-экономическаго и чисто беллетристическаго содержанія. Здѣсь помѣщенъ, напр., „Трудъ“—Торнтона, „Превращенія“—Овидія, „Процессъ Гастингса,“ „Демократія“—Токвиля, и всѣ тѣ статьи Шашкова и Шелгунова, которыя уже значатся въ отдѣлѣ правовѣдѣнія. Это обстоятельство всего лучше доказываетъ, что составитель каталога часто распредѣлялъ книги по отдѣламъ вовсе не по ихъ содержанію, а какъ Богъ на душу положитъ, имѣя весьма смутное понятіе о томъ, что такое правовѣдѣніе, исторія и т. д. Отдѣлы географіи составлены лучше всѣхъ другихъ отдѣловъ, и въ немъ почти не встрѣчается промаховъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ. Зато въ отдѣлѣ естествознанія и математики, невѣжество составителя проявилось во всей своей силѣ и красотѣ. Въ этомъ отдѣлѣ онъ помѣстилъ и „Территориальную военную систему“—Вибликова, и „Народныя вооруженія въ Пруссіи въ 1813 г.“—Богдановича, и „Каргину Человѣка“—Галича, и „Фортификацію“—Войнаровскаго, и „Осаду Ура-Тюбе“—Зиновьева, и „Вопросы Психіатріи“, и „Характеръ“—Смайльса, и дѣтскія книжки, и статьи по метафизической философіи, однимъ словомъ: все, что заблагоразсудилось, такъ что этотъ отдѣлъ справедливѣе было бы озаглавить не „Естествознаніе и Математика,“ а „чего хочешь, того и просишь.“ Не меньшимъ разнообразіемъ отличается и отдѣлъ словесности. Здѣсь можно найти и биографіи, и путешествія, и статьи по естествознанію, исторіи, исторической критики и т. п. Этотъ отдѣлъ отличается также тою особенностію, что сочиненія писателей-однофамильцевъ не разграничиваются, а приписываются одному изъ нихъ. Такъ, напр., всѣ сочиненія Толстова приписаны одному собирательному Толстому (говорю: „собирательному,“ потому что въ каталогѣ напечатана одна фамилія безъ инициаловъ имени и отчества), сочиненія Крестовскихъ—одному, также собирательному Крестовскому, такъ что выходитъ, что „Петербургскія Трущобы“ и „Баритонъ“ написаны однимъ лицомъ, а поэтъ Никитинъ, по каталогу, не только писалъ: „Очерки изъ быта кантонистовъ, а даже сочинилъ что-то чуть ли не о стрѣльцкомъ бунтѣ. Ко всѣмъ этимъ прелестямъ присоединяется еще одна: каталогъ изобилуетъ массою опечатокъ, и опечатокъ совсѣмъ невозможныхъ. Такъ, если вѣрнѣе каталогу, въ библиотекѣ имѣется удивительная книга: „Исторія Пермскаго университета“, и еще болѣе удивительная „Лѣтопись занятія орхеографическій помпъ.“ Извольте тутъ понять что нибудь. Особенно безпощадно исковерканы имена иностранныхъ авторовъ: изъ 10 именъ 8 извращены до неузнаваемости. Пользуясь этимъ каталогомъ, утѣшаешься только тѣмъ, что достоинства его вопльиѣ соответствуютъ достоинствамъ самой библиотеки.

И. Я. Коровинъ.

Страничка изъ дневника.

Село Долговское, 12 Апрель 1883 г. Между прочимъ заинтересовалъ меня разговоръ съ хозяиномъ. Онъ человѣкъ, видавшій виды.

Надняхъ въ одной изъ деревень Кургамышевской волости крестьяне избили киргиза, заявившагося къ нимъ съ предложеніемъ услугъ по пасѣбъ скота (какъ предполагаетъ хозяинъ), да такъ усердно, что, по всей вѣроятности, отбили у

него всякую охоту предлагать свои услуги. Онъ отбылъ въ мѣсто своего жительства что-то въ очень и очень печальномъ положеніи. Пожалуй, увидить-ли свои родныя затобольныя степи?

Такъ передалъ мнѣ хозяинъ. По лицу его я замѣтилъ, что онъ даже какъ будто доволенъ этимъ происшествіемъ.

— Какъ избили? спрашиваю.— Неужели до такой степени, что онъ можетъ умереть?

— А вы бы думали, какъ же иначе? Что вы! Да неужели русскій мужикъ побегетъ да не добьется! Вы откуда прѣхали такой наивный, малосвѣдущій?— шутилъ хозяинъ.

— Послушайте, какъ же это: загорится дѣло, и имъ во всякомъ случаѣ не одобровать?

— Загорится, такъ и пусть горитъ, а если крестьянамъ не одобровать, такъ изъ этого слѣдуетъ заключить, что они уже окончательно были вынуждены къ тому, чтобы такимъ образомъ рассчитаться съ киргизомъ. Да что вы! вы видно, не знаете здѣшняго края. Я еще не знаю, за что избили киргиза и подробностей объ этомъ не слыхалъ, но, во-1-хъ, отъ души желаю, чтобы этотъ киргизъ не показывалъ болѣе носа въ наши деревни, если останется живъ (въ чемъ однако сильно сомнѣваюсь), а во-2-хъ, и болѣе всего, желаю ему успокоиться въ Магометовомъ раю. По всей вѣроятности, какъ пострадавшій отъ гяуровъ, онъ получить сполна семьдесятъ семь гурій. Пусть же съ ними и блаженствуетъ, а деревни наши оставить въ покоѣ.

Серьезно говорю, деревни наши находятся въ печальномъ положеніи отъ киргизъ. Крестьяне не могутъ напасть на лошадей и вообще скота. Вы справьтесь въ волостяхъ и у пристава: то и дѣло поступаютъ заявленія о пропажѣ скота, болѣею частію, лошадей. А куда дѣваются? Подите, поищите. Не успѣетъ крестьянинъ завести лошадь, посмотреть—ея ужъ нѣтъ. А между тѣмъ имѣйте въ виду, что лошадь для крестьянина—это его благосостояніе, лошадью онъ живетъ, лошадью платитъ повинности: есть лошадь—онъ исправный домохозяинъ; безъ лошади, онъ—какъ безъ рукъ, онъ разоренъ, поступаетъ въ работники, сокращая или вовсе прекращая свое собственное хозяйство. Сынъ крестьянина, лишеннаго лошади, первый работникъ въ домѣ, вынужденъ идти въ люди, чтобы годовою работою у чужихъ, дать отцу возможность возмѣстить покраденную лошадь другою. Домъ, лишенный хотя бы одного работника, естественно уменьшаетъ свою производительную силу и, вслѣдствіе этого, слабѣетъ и съ трудомъ поправляется, а то и вовсе разрушается. Горько это крестьянину, ему немилъ свѣтъ, онъ грубѣетъ, имъ одолеваетъ угрюмость и какое-то злобное оцѣненіе духа, онъ силится выпутаться изъ затруднительнаго положенія, но это нелегко. Легко разориться, да нелегко поправиться. Оттого, что у него пропала лошадь, не уменьшится ни количество повинностей, не измѣнится ни родъ ихъ и никакихъ другихъ потребностей; уменьшится только рабочая сила, средства, которыми добывается все то, что спрашивается съ крестьянина. Безъ лошади крестьянинъ не хозяинъ. Онъ любитъ землю болѣе всего на свѣтѣ и любитъ лошадь. Земля безъ лошади наводитъ на него только уныніе. Съ горькимъ сердцемъ онъ смотритъ на землю; еслибы имѣлъ силу, распахалъ бы ее голыми руками, душу свою положилъ бы въ нее. Но все это невозможно. Нужна лошадь, а лошади нѣтъ; безъ лошади и житья нѣтъ.

При всемъ этомъ онъ долженъ еще отбывать общественныя должности по выбору. Обществу мало дѣла до его домашнихъ обстоятельствъ, а выбираютъ, такъ служи.

Но довольно объ этомъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, какъ дорога лошадь въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Купилъ крестьянинъ лошадь—какая радость! Вся деревня пересмотритъ ее. Крестьянинъ доволенъ—такъ и отражается удовольствіе на загорѣломъ лицѣ, онъ весело *обмыкаетъ ей копыта*.

Маленькій парнишка забрался на вершину и гарцуетъ по двору на своей новой лошади. Настоящій праздникъ! Крестьянинъ помышляетъ распахать побольше землицы, нанять работника, зимой поровить въ извозъ свѣздить, лишнюю копынку зашибить, можно снять станцію—и все что угодно. Онъ чувствуетъ себя сильнымъ, онъ доволенъ. Не жаль ему и

сына отдать въ солдаты. Ступай, братецъ, послужи, пока молодъ. Были-бы лошаденки—какъ-нибудь скорогаю время-то.

Вдругъ, въ одно несчастное утро, крестьянинъ не находитъ своихъ лошадей—нѣтъ ихъ; паслись въ покотинѣ—и нѣтъ, или домашнее прясло разгорожено. Лошади пропали, и слѣда не найдешь. Куда идти? Гдѣ искать? Поѣзжай, хоть на крыльяхъ вѣтра, на всѣ четыре стороны, и то не найдешь. Пропали лошади, какъ въ воду канули. Экая бѣда! вотъ горе! Но крестьянинъ сдерживаетъ это горе, не выпускаетъ его наружу, онъ хоронитъ его въ себѣ, выматривая виновника и готовя ему *ничто* очень чувствительное. Пропади у него корова, стори домъ—было бы легче.

Онъ знаетъ, кто и виновникъ; не видя его на мѣстѣ преступленія, онъ чувствуетъ его по духу; крѣпко онъ знаетъ, что дѣло не обошлось безъ киргизскихъ рукъ. Знаетъ, куда спроважена и лошадь, да не ищетъ, потому безоплезно: сколько ни ѣзди по Киргизской степи, не найдешь и слѣда. Пожалуй, еще и самому голову свернуть да сожгутъ и пепель пустиятъ по вѣтру или, по-просту, безъ затѣй, спустятъ въ какое-нибудь озеро. Все это крестьянину хорошо извѣстно, и онъ уже не ищетъ, а только на случай, или считая это за обязанность, *кладетъ* въ волость явку и съ угнетеннымъ сердцемъ идетъ навивать другихъ.

Волость въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ исправно: она доноситъ становому приставу, а онъ, въ свою очередь, чтобы бумага не числилась у него неисполненной, доноситъ полицейскому управленію, прося сдѣлать розыскъ покраденныхъ лошадей. Полиція поступаетъ энергически, по горячимъ слѣдамъ, согрѣтымъ слезами крестьянина, она сообщаетъ прямохово въ сосѣднія полиціи объ этомъ происшествіи. Тамъ энергія дѣлаетъ крутой поворотъ къ апатіи. Какой-нибудь трехрублевый писецъ прехладнокровно или безсмысленно (какъ угодно назовите) вооружается перомъ и безъ ошибки пишетъ: „Препроводить къ приставамъ узда для розыска“. Ладно. Получаетъ приставъ бумагу, и на другой день, „за нерозыскомъ полченыхъ въ перенискѣ лошадей, имѣетъ честь препроводить таковую“ къ слѣдующему, по счету, приставу, а если прійдетъ фантазія, то чтобы показать свою дѣятельность (дескать, знай нашихъ! лошадей ищемъ!), поплетъ ее въ волости, гдѣ она подвергается такому же точно процессу броженія изъ волости въ волость и, наконецъ, уже „по исполненіи“, возвращается въ мѣсто своего исхода, гдѣ съ нею поступаютъ рѣшительно: прекратитъ и сдать въ архивъ, на покой, послѣ двухлѣтнаго мытарства по свѣту. И дѣлу конецъ.

Но полицію нельзя и винить въ подобныхъ *тщательныхъ* розыскахъ. Будучи завалена со всѣхъ сторонъ бумагами, экстренными, не терпящими промедленія справками губернскаго начальства, требующаго очень серьезно, за четырьмя подписями, объясненія, поставляющаго на видъ, дѣлающаго, наконецъ, замѣчанія, выговоры, грозящаго судомъ и слѣдствіемъ и прочими страхами, имъ же нѣсть числа,—полиція, говорю я, не можетъ дѣлать никакихъ розысковъ; она только старается скорѣе избавиться отъ бумаги, какъ отъ чумы; лишняя бумага—это для нея гора, которая очень легко можетъ обрушиться и уничтожить и безъ того ничтожнаго полицейскаго чиновника; поэтому все вниманіе его устремлено на бумагу; что бы ни случилось, что бы ни долженъ дѣлать полицейскій чиновникъ, онъ вездѣ прежде всего видитъ бумагу; онъ и дѣлаетъ—а не дѣло; сдѣлана бумага—и дѣло въ шляпѣ; чиновникъ доволенъ, онъ умильно улыбается, ему приятно; на радости онъ пропускаетъ *единую* и положительно приходитъ въ экстазъ, забывая все на свѣтѣ. Бумага сдѣлана, онъ исправенъ. А попробуйте-ка не исполнить въ точности бумагу! А, ну-те-ка осмѣльтесь! Нанримѣръ, какой-нибудь алтайскій засѣдатель просилъ передать пакетъ судебному слѣдователю или отыскать какіе-нибудь сапоги безъ подметокъ, или панталоны, бывшія на чловѣкѣ въ моментъ его смерти. Засѣдатель, одновременно съ сообщеніемъ полиціи, доноситъ своему начальству объ имѣннй наблюдений за скорѣйшимъ выполненіемъ. Требованіе его выполнено, пакетъ переданъ, панталоны ему преподнесены, да не донесено начальству—и смотрите, какой поднялся гвалтъ на всю Ивановскую! Прокуроръ, его товарищъ, палата, губернское

правление, вице-губернаторъ, наконецъ, самъ губернаторъ— всѣ напустились на полицейскаго чиновника и громятъ его многогрѣшнаго протоколами, актами, выговорами, замѣчаниями, требованіемъ объясненій—Боже мой! подумаешь, что отъ этой бумаги зависить судьба цѣлаго народа, а тутъ потрачено столько прити и энергіи на простыя злосчастныя панталоны.

Какіе же розыски могутъ быть притакомъ порядкѣ? Естественно, одна только бумага, о которой не стоить и говорить. Лѣнтяи отъ природы, киргизы живутъ скотомъ. Переѣли весь скотъ, работать непривычны—и идутъ въ пастухи. Свои киргизы не принимаютъ, у кого еще есть табуны; имъ ненадо много пастуховъ—одинъ, два, и довольно, а то и вовсе ни одного. Куда же обратиться? Гайда за Тоболъ! Переѣдетъ Тоболъ, но тотчасъ за Тоболомъ живутъ казаки. Казакъ—худой народъ, дерется и на мелкую охоту ходитъ съ винтовкой, мѣтитъ въ птицу, а попадетъ (ну, кто его знаетъ?) какъ разъ въ киргизскую голову да еще не обратитъ и вниманія, дескать—не потрафилъ, по ошибкѣ. Плохо дѣло. Айда далѣе, въ крестьяне! Вотъ блаженная страна! Пріѣзжай къ нимъ, они тебя угощаютъ, хоть и косо смотрятъ; у нихъ же воруй лошадей—ничего! Нужно только отогнать отъ деревни, а тамъ, хоть вся деревня поднимайся на ноги—пустики, и слѣда не найдешь. Киргизу нѣтъ дорогъ или, правильнѣе, вездѣ дороги: куда взгляды упалъ, тамъ и дорога. Узнаютъ крестьяне, что у нихъ угнали лошадей, сейчасъ же въ погоню, но куда? Часъ пройдетъ въ совѣтахъ, а потомъ они *погонитъ* по пяти верстѣ въ часъ, на поль-аршина подирывивая на лошадяхъ, тогда какъ киргизъ дѣлаетъ пятнадцать въ часъ, на худой конецъ, и умѣетъ дѣлать такъ, что у него лошадь не устааетъ. Черезъ четыре часа онъ уже въ безопасности, спокойно ѣдетъ по затолобной степи, никто на него не обращаетъ вниманія.—ступай куда тебѣ надо!

Скажутъ, почему же крестьяне не караулятъ своихъ лошадей, если онѣ имъ такъ дороги? Неразрѣшимая задача! Тутъ-то и выходитъ хуже, чѣмъ безъ караула. Напримѣръ, пасется табунокъ лошадей, около него караульщики при огнѣ (больше тѣмъ, что на „Вѣжиномъ лугу“), вооруженные дубинками, а то и огнестрѣльнымъ оружіемъ; сидятъ караульщики покуриваютъ да ведутъ бесѣду. Вдругъ кони фыркнули, заметались, кто-то крикнулъ, и кони понеслись въ сторону. Вотъ изъ мрака вынырнула фигура въ малахаѣ, другая, третья. Испуганные кони несутся стрѣлой, за ними полукругомъ малахаи. Всполошились караульщики: „Ахти, братцы, бѣда—лошадей гонять! Но пока они объясняютъ другъ другу то, что всякій изъ нихъ видитъ, хитники уже скрылись, и топота не слышать. Но иногда караульщики дѣлаютъ отпоръ вовремя, и тогда происходитъ горячій бой: гиканья, крики, звуки отъ дубинокъ, выстрѣлы. Въ деревню несется курьеръ, отсюда выходятъ помощь, и малахаи разбѣгаются. Но это бываетъ не всегда; нерѣдко, если при всемъ сопротивленіи, крестьяне лишаются лошадей. Киргизу въ сѣдлѣ лучше, чѣмъ на ногахъ. Въ сѣдлѣ онъ смѣется надъ крестьяниномъ, не очень боится и пули.

Итакъ, пріѣзжаетъ киргизъ въ деревню, вотъ молъ, такъ и такъ, хочу пасти лошадей вашихъ, по рублю съ головы (а то и по три) и по нѣсколько пудиковъ хлѣбца. Нанимайте, лошади ваши будутъ цѣлы. Крестьяне потупляются, чешутъ затылки, а все же принимаютъ или, вѣрнѣе, даютъ требуемое. Отказать—это значитъ больно плохо. Надо будетъ и спать на лошади да имѣть еще про запасъ нѣчто очень чувствительное, скоропалительное, потому что киргизъ никогда не оставитъ безъ благодарности такой отказъ. Это уже всему міру извѣстно. А дѣйствительно-ли киргизы пасутъ скотъ, который нанимаются пасти?—Вотъ то-то, что нѣтъ. Онъ беретъ, что требуетъ, и уѣзжаетъ далеко отъ деревни и не заглядываетъ въ нее, пока не истощится запасъ. Тогда онъ снова является въ деревню, получаетъ выраженную дань и снова скрывается. Киргизы не пасутъ скотъ, а получаютъ только съ крестьянъ дань или особую подать за цѣлость его. Давай—скотъ будетъ цѣлъ, не дашь—покаешься. И крестьяне даютъ. Что подѣлаете? Но крестьяне были бы рады платить эту дань, еслибы лошади были цѣлы, а то вѣдь они и дань-то платятъ, и лошадей лишаются. Почему?—спросите вы. А

вотъ почему: киргизъ честенъ, идеаль въ этомъ отношеніи. Въ какой деревнѣ онъ сказалъ, что вотъ-де не буду у васъ воровать, тамъ онъ, дѣйствительно, не воруетъ. Но другой деревнѣ онъ этого обѣщанія не давалъ, значитъ тамъ можно. Товарищъ его этой деревнѣ не давалъ никакихъ обѣщаній, а слѣдовательно, само собою разумѣется, здѣсь онъ можетъ и пользоваться.

Надо полагать, что у киргизъ бываетъ между собою раздѣлъ селеній, кому какую деревню „окарауливать“, потому что въ деревню, гдѣ уже есть пастухъ-киргизъ, другой киргизъ и не заглядываетъ съ предложеніемъ услугъ: онъ ѣдетъ далѣе.

Киргизы обдѣлываютъ свои дѣла по самой простой методѣ. Лошади, большею частію, пасутся въ поскокивѣ. Появляется киргизъ или доморощенный воръ—и лошадь *потерялась*. А куда потерялась? Самой убѣжать ей некуда, во-1-хъ, потому, что кругомъ поскотина, а во-2-хъ, какъ бы искусно она ни бѣгала, непремѣнно набѣжала-бы на деревню и вышла бы на объявку. А то вѣдь пропадетъ—равно въ воду канетъ. На объявкѣ ихъ бываетъ, на пятьдесятъ пропавшихъ, одна. Куда же дѣваются?

Итакъ, лошадь потерялась. Но вотъ чрезъ недѣлю къ хозяину является киргизъ и говоритъ: ну, давай кунакъ или тамаръ, столько-то денегъ, столько-то хлѣба и получишь лошадь. Крестьянинъ даетъ. Не дашь, вовсе лишишься лошади, а пожалуй, и другой, если таковая осталась, или если дашь, да такъ, чтобы получить обратно деньги и лошадь и поймать вора, требующаго выкупъ, теряешь все: и деньги, и лошадь, и не получаешь ничего. Этотъ уже порядокъ извѣстенъ, примѣровъ не обобратъ.

Но крестьянинъ и не ловить вора съ тѣмъ, чтобы упечь его подъ судъ. Что ему изъ этого? Ему отдай только лошадь.

Больше всего причиняютъ зла киргизы, постоянно живущіе между крестьянами. Они живутъ здѣсь панами, не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы—настоящія птица небесная. Они даже арендуютъ у казны участки земли для пасбы своего скота, какъ будто у нихъ мало за Тоболомъ степей. У иныхъ вовсе нѣтъ и скота, а землю держатъ, платятъ аренду, ничѣмъ не занимаются. Арендуютъ участки собственно для того, чтобы ихъ не могли выдворить. Что имъ заниматься, когда существуетъ профессія, позволяющая существовать около крестьянъ приѣзжаячи? Еслибы тѣ же самые казенные участки предложить обществамъ, они арендовали бы ихъ собственно для того, чтобы около нихъ не было киргизъ.

Нельзя сказать, чтобы начальство не заботилось о благополучіи крестьянина; это было-бы грѣшно и несправедливо. Оно заботится, оно радо помочь хозяину-крестьянину; принимались и мѣры, да только мѣры-то оказались или недѣйствительными, или вовсе того... подлили масла въ огонь.

Такъ, было распоряженіе, въ силу котораго надлежало, внушить киргизамъ, чтобы они жили добрымъ порядкомъ, чужаго не брали, своего не оставляли, жили по своимъ средствамъ, *не вдаваясь въ азіатскую роскошь, а то-де начальство вынуждено будетъ выдворить ихъ изъ предѣловъ уезда и они должны будутъ разорить свой домашній очагъ*. Каково? Хотя бы „очагъ“ замѣнили простымъ „чуваломъ“-каминомъ, тогда киргизъ по крайней мѣрѣ понялъ-бы, что вотъ, молъ, прійдетъ становой (урядниковъ тогда еще не было) и разломаетъ у него чувалъ, вслѣдствіе чего, чтобы не остаться безъ печи, особенно въ зимнее время, онъ, киргизъ, долженъ заблаговременно приготовить кирпичи, а для этого, чтобы приобрести необходимые средства, надо украсть лошадь.

Вторая мѣра тоже недурна.

Было распоряженіе, въ силу котораго *дозволяется поступать въ пастухи только тѣмъ киргизамъ, которые представляютъ удостовереніе отъ своего аульнаго старшины о томъ, что они люди хорошие, честные, воровства не занимаютъ, —ну, словомъ, вполне благонадежны*. Вотъ она, мѣра-то! Тѣ-же самые пастухи, которые были первыми ворами до этого распоряженія, немедленно представили требуемыя удостоверенія, не прекращая своего ремесла и занимаясь имъ по-прежнему. Мѣра начальства осталась только мѣрой, мертвой буквой, объ исправности которой становой пристава очень

усердствуютъ. У нихъ въ книгахъ записаны всѣ такія одобренія. Только не записаны лошади, которыя прогнаны чрезъ эти одобренія. Но вѣдь объ этомъ не было распоряженія начальства, никто не предписывалъ проставлять на этихъ одобреніяхъ число лошадей, которыхъ покрадетъ обладатель одобренія. Тогда киргизы, пожалуй, сами стали-бы заивлять о каждой покраденной ими лошади, для отмѣтки на одобреніяхъ; пожалуй, попросили бы медаль или халатъ въ награду.

Но эта мѣра, по крайней мѣрѣ, если не улучшила положенія дѣла, то и не ухудшила его—какъ будто вовсе не принималось никакихъ мѣръ. У мѣстной полиціи увеличилось только число бумагъ, и больше ничего.

Совершенно другое представляетъ третья мѣра. Эта мѣра уже пережѣрила всякую мѣру, и зло, которое она намѣрена-лась удержатъ, перелилось черезъ край и еще болѣе начало жечь терпѣливое, выносливое крестьянство.

Мы, деревенскіе жители, и не знаемъ даже, откуда послѣдовала эта мѣра. Знаемъ только, что пріѣзжалъ къ намъ князь Волконскій, велѣлъ сельскимъ обществамъ составить приговоры о высылкѣ въ Сибирь людей дурнаго поведенія, конокрадовъ и прочахъ мірянъ. Приговоры составлялись, люди высылались, въ селеніяхъ стало потише. Незамѣченные ворышки трухнули и попритихли, раздумывая, что сей сонъ означаетъ и не шута хотѣли уже превратиться въ честныхъ людей—вдругъ, высланные люди возвращаются и водворяются въ жительство. Въ деревняхъ полнѣйшее недоумѣніе. У мірянъ чешутся затылки. Знаютъ они, какія будутъ послѣдствія этого возвращенія, и возвращенные благодѣтели не заставляютъ себя ждать; они умѣютъ отблагодарить своихъ друзей, чуть было не сославшихъ ихъ куда-то въ невѣдомый міръ, и съ еще большимъ рвеніемъ благодарятъ: воровство процвѣтаетъ, поджоги совершенствуются, угрозы заставляютъ ждать еще худшаго. Противодѣйствія полиціи слабы.

Такимъ образомъ мѣра обезпеченія, подѣйствовавшая въ началѣ, концомъ своимъ только ухудшила положеніе дѣла.

Обществамъ предоставляется право высылать изъ среды своей людей порочнаго поведенія. Послѣ примѣрной демонстраціи князя Волконскаго, общества стали-было составлять приговоры, безъ приказанія начальства, но тутъ вышло что-то непонятное: приговоры никуда не шли; люди, намѣченные къ высылкѣ, оставались—и опять мѣсть.

Теперь, пожалуй, спросить: въ какой же связи мѣстное мошенничество съ киргизами? Если общества сами содержатъ въ себѣ свое зло, то что-же тутъ винить киргизъ? Или, если бы какими-нибудь энергичными, дѣйствительными мѣрами и удалось избавить крестьянство отъ опаснаго сосѣдства киргизъ, то положеніе крестьянъ все-таки не улучшилось-бы, потому что они сами содержатъ въ себѣ свое зло.

Но тогда, во-первыхъ, не было-бы явнаго, дерзкаго грабежа, не было-бы столкновенія массъ, табуны не угонялись-бы цѣликомъ; во-вторыхъ, не было-бы возможности безслѣдно упрятать покраденную лошадь, тогда было бы удобнѣе замѣчать доморощенныхъ воровъ, и кражи были бы мелочныя, единичныя. Киргизы же, не принося положительно никакой пользы мѣстному населенію, только зорятъ его.

Мнѣ говорить: „Помилюйте, Андрей Андреичъ! Вѣдь чѣмъ-нибудь должны же существовать и киргизы, если у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ женъ, и ни къ чему они непривычны? Вотъ они и идутъ въ заработки, въ пастухи, тѣмъ и живутъ. Вѣдь не умирать же имъ тамъ, въ затобольной стени? Къ тому же вы говорите нѣсколько того... поверхностно. Между тѣмъ здѣсь преслѣдуется особая высшая цѣль. Всякое государство стремится къ возможно полному объединенію своихъ народностей. Какъ обрусѣли татары, такъ современемъ обрусѣютъ и сольются въ одно съ крестьянами и киргизы и будутъ такими же крестьянами, добрыми и великодушными.“

Я отвѣчаю: „Прекрасно, Сергѣй Алексѣичъ! Прежде всего, не ожидалъ, что вы не разбираете средствъ къ существованію. А затѣмъ, вотъ я бы—дикарь-киргизъ, какой-нибудь Куржумбай, а вы великодушный крестьянинъ. У меня двѣ жены, куча ребятъ, двѣ избы новыхъ, двѣ бани новыхъ; ну, хлѣба нѣтъ, такъ нѣтъ. Что подѣлаете! Небольшаго вѣдь и нѣтъ-то. Я прихожу къ вамъ и говорю: „Сергѣй Алексѣичъ! Пустите

меня къ себѣ. Обживусь у васъ, такой же буду, какъ и вы.“ Вы говорите: „Пожалуйте, Андрей Андреичъ.“ Дали-бы мнѣ дѣло, я бы ничего не дѣлалъ, ѣлъ-бы ваши обѣды, а что получше и вамъ понужанѣе, напримѣръ, кредитные билеты или хоть и мѣдяки, спускалъ-бы къ себѣ въ карманъ. Что бы вы сказали? Вы бы меня прогнали, не такъ-ли? Я бы не пошелъ, а постарался бы обогнать васъ вовсе. Что бы вы сдѣлали? Вы бы употребили силу? А вотъ вамъ и самосудство, которое вы сами такъ не уважаете. Наконецъ, у меня есть приятели, которымъ, очень можетъ быть, не понравится такое ваше обращеніе со мною, и—кто его знаетъ—вѣдь можетъ случиться... чѣмъ врагъ-то не пугитъ!—Ну, а что если... А? Что?! Вы говорите объ Уложеніи? Правда, оно сердито, но вы сначала подайте ему улики. Такъ-то, батюшка. Приходите, живите, да не троньте чужаго, и все же будетъ легче. Грядущія поколѣнія сами по себѣ, а текущія сами по себѣ. Съ грядущими тамъ что будетъ, а съ текущими-то уже приходится. Всякому жалъ своего, всякому свое дорого. Вотъ идетъ слѣпой съ провожатымъ, отдайте ему одинъ свой глазъ, и онъ будетъ такой же точно кривой, какъ и вы. Вы говорите, что глаза ему не дадите, потому что будетъ бесполезно. Сущую правду изволите говорить: будетъ, дѣйствительно, бесполезно; вы останетесь съ однимъ глазомъ, а онъ все будетъ такой же слѣпой.“

„Крестьянинъ добръ, великодушенъ; приходи къ нему, дѣлай, что умѣешь, живи добрымъ порядкомъ—и онъ тебя прокормитъ. А если вы не можете такъ поступать—подобныхъ работниковъ никому ненужно.“

Такимъ образомъ, крестьянинъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшается на все. Крѣпко онъ знаетъ, кто у него укралъ лошадь, знаетъ, да ничего не подѣлаешь. Что съ нимъ сдѣлаешь? Онъ воръ, но вѣдь надо уличить, а это болно трудная задача. Киргизъ охулки на руку не кладетъ, поймать его на воровствѣ—это невозможно, а не пойманъ, такъ и не воръ. Законъ лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ накажетъ одного невиннаго, и чѣмъ тяжелѣе преступленіе, тѣмъ должны быть яснѣе улики. А гдѣ ихъ возьмешь? Тутъ, на мѣстѣ, въ деревнѣ, дѣло ясно, какъ дважды-два, да тамъ, въ палатѣ,—темна вода во облацѣхъ, все колебаніе. Прежде, бывало: „По недостатку уликъ, оставить въ подозрѣніи, о чемъ ему, къ свѣдѣнію, и объявить съ роспиской,“ а нынѣ, просто-напросто: „Считать по суду оправданнымъ.“ Какъ будто крестьянину нужно обвинять человѣка напрасно, тѣмъ болѣе бездомнаго киргиза. Что ему за расчеты? Только грѣхъ одинъ. Все-равно, если онъ хоть и обвинится, ему вѣдь не получить же обратно ни своей лошади, ни денегъ за нее. Положимъ, найдутся достаточно прочныя улики (что бываетъ очень и очень рѣдко), дѣло передается по принадлежности, киргиза присудить въ тюрьму. Тамъ онъ уразумѣетъ только одну истину: что надо воровать, да не попадаться. Но чтобы вовсе перестать воровать, это ужъ дудки! Къ тому же, одного киргиза уберутъ, другой явится (за Тоболомъ ихъ много) и постарается, чтобы не упала профессія, позволяющая такъ легко жить.

Бьются, бьются крестьяне, знаютъ, который киргизъ ловко обдѣлываетъ свои дѣлишки, поймать нѣтъ никакой возможности—ну, чтобы избавиться отъ этого мирнаго дикаря, пускаютъ ему пулю въ лобъ или, если погорячатся, просто, по-русски, покончатъ съ нимъ своими кулаками, а затѣмъ, по порядку, выслаются по принадлежности, въ столь отдаленныя мѣста, что оттуда и голоса подать нельзя. Вотъ до какой степени доходить озлобленіе крестьянъ на киргизъ-конокрадовъ, что крестьяне забываютъ о себѣ: дѣлай съ ними потому что хочешь изъ-за этого вора-киргиза, постоянно подрывавшаго ихъ благосостояніе, а по крайности, отъ него будетъ избавлена деревня навсегда. Это имъ оказывается дорожее своей собственной свободы. Были случаи,¹ что забывались даже сами волостные начальники, происходящіе изъ тѣхъ же крестьянъ, и посреди волостныхъ сходовъ, въ самомъ зданіи волостнаго правленія, позволили избить до смерти киргиза, пойманнаго на воровствѣ, и за это всѣмъ своимъ составомъ, отъ старшины до писаря, шли въ каторжныя работы, оставляя общество безъ первыхъ членовъ, и все это изъ-за вора-киргиза, выведшаго, наконецъ, общество изъ тер-

пѣнія своими мастерскими продѣлками. И сейчас у одного изъ здѣшнихъ слѣдователей есть дѣло объ убійствѣ киргиза въ самой его ставкѣ. Должно полагать, что опять отправится куда-нибудь въ Черчинскъ поридочный косачекъ православныхъ. Крестьянинъ вѣдь не такъ искусно обдѣлываетъ свои дѣла, какъ киргизъ. Вышелъ онъ изъ терѣбнѣя—и идетъ среди бѣла дня прямо въ кошъ, и безъ дальнихъ объясненій, смахнетъ съ киргизскаго циферблата пыль своимъ носовымъ платкомъ, подхватятъ другіе, и дѣлу конецъ. А потомъ порядокъ извѣстенъ: сердитый становой, любопытный слѣдователь.... Печальная картина! Нѣкоторые изъ ребятъ, помысленіе обыкновенныхъ землекоповъ, народъ просвѣщенный, тонкій, палать въ киргиза изъ-за угла или шомполомъ беспокоятъ его внутренности, не дѣлая никакихъ знаковъ снаружи... Варварство, правда, но вынужденное. Последнее средство принадлежитъ, впрочемъ, только казакамъ, боящимся ссылки. Казакъ и не ждетъ, когда киргизъ покажетъ ему, въ достаточной степени, свое искусство, а разъ онъ его встрѣтилъ въ подозрительномъ броженіи, ну, какъ нарочно, ружье и выстрѣливаетъ нечаянно, и какъ на грѣхъ, именно въ этотъ моментъ врагъ подвертываетъ киргиза. Что подѣлаете? Несосторожности! Остается только поскорѣе убраться подальше отъ этого мѣста, а за трупъ бояться нечего: сами киргизы его найдутъ и увезутъ. Полиція даже и не узнаетъ. Поэтому киргизы и не любятъ казаковъ и мало ихъ беспокоятъ. Пропала у казака лошадь, онъ не горюетъ, а только сердится; знаетъ онъ, гдѣ ее надо искать, является прямо въ аулъ, приставляетъ ко лбу киргиза пистолетъ и требуетъ лошадь—лошадь является. Больше казаку ничего и не нужно, онъ уѣзжаетъ и даже не прекращаетъ съ киргизомъ прежней дружбы, какъ-будто ничего особеннаго не случилось. Развѣ у друзей могутъ быть какія непріятности? Было-бы нѣсколько странно!

Нерѣдко случается, особенно зимой, что киргизы съ утками солидной прочности прогуливаются въ поздній часъ по дорогамъ, и кто попадется, съ тѣмъ сводитъ короткое знакомство, направляя путь его въ страну, „идѣже нѣсть печаль, ни воздыханіе.“

Многое еще хотѣлъ сказать вамъ, да нѣсколько усталъ. Можетъ быть, еще и поговоримъ. Кто знаетъ? Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ нерѣдко! *Ассолмишъ.*

ТЕЛЕГРАММЫ „СѢВЕРНАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА.“

Петербургъ, 4-го Іюня. Для пополненія арміи и флота призывается въ нынѣшнемъ году 218000 человѣкъ. Объявлено Высочайшее благоволеніе члену комиссіи построенія храма Христа Спасителя, московскому головѣ Чичерину.

Изготовлены рисунки печатей присутственныхъ мѣстъ: министерская—орелъ съ гербами царствъ на крыльяхъ; губернскихъ правленій, палатъ и равныхъ имъ мѣстъ—орелъ безъ гербовъ; полицейскихъ и другихъ мѣстъ уѣзднаго управленія—малый орелъ съ горизонтальнымъ шрифтомъ внизу.

Медаль, изображающая ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА въ коронахъ и порфирахъ, розданная старостой Исаакіевскаго собора, Богдановичемъ, въ Москвѣ и Петербургѣ во время бывшихъ торжествъ, въ масѣ экземпляровъ вручена въ послѣднемъ засѣданіи Петербургской думы всѣмъ гласнымъ; дума изъявила Богдановичу благодарность.

5-го Іюня. ВЫСОЧАЙШИМЪ рескриптомъ графу Палену, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ выражаетъ ему глубокую признательность за отличное исполненіе обязанностей верховнаго церемоніймейстера.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ, получивъ телеграмму отъ старосты Исаакіевскаго собора, генерала Богдановича, съ выраженіемъ въ неподданническихъ чувствахъ прихожанъ, по случаю двадцатипятилѣтія собора, соизволилъ собственноручно начертать на телеграммѣ: „Благодарить.“

4-го Іюня. Князь Черногорскій, откланявшись ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ въ Петергофѣ, выѣхалъ въ Черногорію.

6-го Іюня. Въ виду неудобствъ, вызванныхъ отдѣленіемъ административнаго управленія столицей отъ полицейскаго, восстанавливается должность градоначальника, при непосредственномъ и исключительномъ подчиненіи товарищу министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывающему полиціей.

7-го Іюня. Рѣшеніе Петербургскаго окружнаго суда по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ банкѣ опротестовано прокуратурой.

Генераль Махотинъ отправился въ Сибирь обозрѣвать военно-учебныя заведенія.

Объявленъ третій конкурсъ на памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Полуимпералы 8 р. 38 к., сдѣлано.

8-го Іюня. Генераль Гурко назначенъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ.

Правительственное сообщеніе. Осенью 1882 года министерство Внутреннихъ Дѣлъ приняло предупредительныя мѣры борьбы противъ саранчи въ губерніяхъ: Астраханской, Самарской, Воронежской, Таврической, Херсонской и Харьковской, а ранней весной 1883 года приняты дополнительныя мѣры и ассигнованы денежные средства. Истребленіе саранчи производится повсемѣстно достаточно успѣшно, такъ что можно разсчитывать на пресѣченіе дальнѣйшаго распространенія губительнаго насѣкомаго. Въ видахъ скорѣйшаго достиженія благопріятныхъ результатовъ, командированъ въ Воронежскую и сосѣднія съ ней губерніи состоящій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ свиты Его Величества генераль Шебеко.

Проектъ пенсіи женщинамъ-телеграфистамъ внесенъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ и будетъ разсматриваться въ началѣ осенней сессіи.

„Новое время“. Отнынѣ рѣшеніе общихъ собраній севата будутъ считаться окончательными и не восходятъ болѣе до Государственнаго Совѣта, дѣятельность котораго будетъ чисто законодательною.

„Новости“. Товариществу Нобель разрѣшено произвести второй выпускъ облигацій на сумму до трехъ милліоновъ по прежней цѣнѣ.

9-го Іюня. Дожди, поправившіе хлѣбныя поля въ Россіи, оказали благотворное вліяніе также въ Румыніи и въ Германіи. Посѣвы въ Германіи улучшились. Ожидаютъ благопріятнаго урожая ржи въ Англіи; пшеница тамъ созрѣваетъ удовлетворительно, благодаря ясной и сухой погодѣ, но для яровыхъ ощущается необходимость въ дождѣ. Видъ на урожай въ Англіи вообще многообѣщующіе. Въ Соединенныхъ Штатахъ состояніе пшеничныхъ полей улучшилось, но урожай въ Калифорніи опредѣляется на 20 до 25 процентовъ менѣе прошлогодняго.

Вчера въ Петерговскомъ дворцѣ происходилъ большой приемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Также представлялись Государю Императору и подносили хлѣбъ-соль депутаціи: отъ одесскаго купечества, волостныхъ старшинъ Каменецъ-Подольской губерніи, казанскихъ и астраханскихъ старообрядцевъ, приемлющихъ священство. Всѣмъ былъ предложенъ завтракъ.

10-го Іюня. Высочайше повелѣно: сформировать въ Одескомъ военномъ округѣ пятую саперную бригаду въ составѣ трехъ саперныхъ и одного понтоннаго баталіоновъ, трехъ военно-телеграфныхъ и одного полевого инженернаго парковъ; существующіе въ первыхъ четырехъ бригадахъ восемь военно-телеграфныхъ парковъ переформировать въ двѣнадцать.

Совѣтникъ посольства въ Берлинѣ Араповъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Португальскомъ дворцѣ.

За особые труды при сооруженіи храма Христа Спасителя пожалованы многимъ лицамъ ордена, въ томъ числѣ Св. Александра Невскаго главному архитектору Рязанову.

11-го Іюня. Опубликованъ порядокъ передачи шоссежныхъ дорогъ во временное завѣдываніе земствъ.

Сегодня въ полдень привезены въ Петербургъ императорскія регалии и прослѣдовали въ золотыхъ каретахъ, при значительномъ стеченіи публики, въ Зимній дворецъ, гдѣ встрѣчены министромъ Двора и оберъ-гофмаршаломъ. Министръ Двора, принявъ регалии, возложилъ ихъ на приготовленные мѣста въ бриллиантовой комнатѣ.

Полуимпералы 8 р. 38 к., сдѣлано.

Астрахань, 4-го Іюня. Въ 40 верстахъ отъ Астрахани сгорѣлъ пароходъ Самолета „Казань“; пассажиры спасены. Пожаръ произошелъ отъ выброшенной на деревянную обшивку котла загорѣвшейся нефти.

Тюмень, 7-го Іюня. Нагруженная чаемъ баржа Плотникова потерпѣла на Оби крушеніе. Спасено 3000, попорчено 4400 ящичковъ.

Прибыла экспедиція по устройству канала между Обью и Енисеемъ.

Кострома, 7-го Іюня. Епископъ Игнатій скончался.

Варшава, 8-го Іюня. Шерстяная ярмарка официально закрыта; цѣны вообще выше прежнихъ.

Берлинъ, 4-го Юня. Здѣсь арестованъ польскій писатель Крашевскій. Причина ареста неизвѣстна.

Лондонъ, 5-го Юня. По окончаніи дѣтскаго спектакля, въ Зундерландѣ произошла страшная давка, причемъ погибло до 160 малютокъ.

Мадритъ, 5-го Юня. Въ окрестности Хереса члены „Черной руки“ уничтожаютъ виноградники.

Парижъ, 6-го Юня. По случаю годовщины смерти Гарибальди, состоялась въ зимнемъ циркѣ многочисленная сходка французовъ и итальянцевъ, гдѣ говорились рѣчи о необходимости дружбы Франціи съ Италіей и сдѣлано предложеніе соорудить Гарибальди памятникъ на границѣ обоихъ государствъ.

7-го Юня. Положеніе французовъ на Мадагаскарѣ упрочилось. Тананарива и Магамбо взяты, говасы бѣжали. Занятая территорія объявлена въ осадномъ положеніи. Въ югозападномъ Тунисѣ броженіе; войска отправлены.

10-го Юня. Палата утвердила законо-проектъ организаціи крѣпостной артиллеріи. Ферри принималъ чрезвычайнаго китайскаго посла маркиза Тцзига. Мадагаскарскіе посланники просятъ новой аудіенціи; отвѣта не получили.

Вюрцбургъ, 8-го Юня. Сюда ожидаютъ Тотлебена, для глазной операціи.

8-го Юня. Вчера въ университетской клиникѣ профессоръ Михель произвелъ Тотлебену операцію, которая удалась вполне и даетъ надежду на сохраненіе зрѣнія. Генераль пробудеть въ клиникѣ до выздоровленія.

Скутари, 9-го Юня. Большинство предводителей албанскихъ племенъ изъявило Турціи покорность. Возстаніе считается поконченнымъ.

Бреславль, 9-го Юня. Въ Силезіи, вслѣдствіе сильныхъ дождей, въ горахъ, даже второстепенныя рѣчки выступили изъ береговъ. Многія мѣстности затоплены, мосты снесены, дома разрушены и погибло много скота. Железнодорожное сообщеніе прервано.

10-го Юня. Наводненіе въ Силезіи принимаетъ грозныя размѣры: долина Вобера похожа на бурное озеро, множество мѣстностей затоплены, плотины прорваны и были несчастія съ людьми. Убытки громадныя.

Берлинъ, 9-го Юня. Рѣка Нейссе—въ Силезіи—выступила изъ береговъ, пронавала въ городѣ Нейссе страшныя опустошенія.

Римъ, 10-го Юня. Папа отправилъ Греки письмо, которымъ жалуется на притѣсненія монашескихъ орденовъ.

ХРОНИКА.

Иногда и маленькій городокъ имѣетъ свою прелесть. Надо, чтобы было что-нибудь занимающее человѣка. Если оно есть, все принимаетъ дружелюбный, хорошій характеръ, и какъ-то свѣтлѣе на душѣ. Особенно хорошо, если встрѣчаешь личность, которая тебя нѣсколько понимаетъ и тебѣ сочувствуетъ. Но въ чемъ сочувствовать? Гиль, пустяки, фантазіи!

Впрочемъ, если смотрѣть на дѣло съ домашне-философской точки зрѣнія, все это не стоитъ выведеннаго яйца.

Утромъ, съ разсвѣтомъ майскимъ, начинаются всевозможныя кантаты въ той гостиницѣ, гдѣ и взялъ себѣ номеръ: слѣва несется труба, прѣйхавшая изъ Итали, которая можетъ играть все, что угодно, начиная съ „Алеутскаго вальса“ и кончая арією изъ „Nibelungenring“—Р. Вагнера; прямо передъ моимъ окномъ заливаема какая-то птица, поющая безъ всякихъ музыкальныхъ правилъ и не имѣющая никакихъ претензій на гонораръ; сверху *tenore di forza* откалываетъ арію третьяго дѣйствія „Трубадура“, и въ довершеніе всѣхъ этихъ дѣйствій мнѣ приходится вслушиваться цѣлый концертъ разныхъ пейзазовъ, водовозовъ *et tutti quanti*, начавшихъ свою дневную работу съ утра.

Преоригинальное положеніе, и такого свойства, что переноситъ васъ во времена студенчества, молодости, поэтической міра и т. д.

Едва проснешься, встрѣчаешь прелюбезнаго сосѣда, аккомпаниатора прѣйхавшей труппы пѣвцовъ. Въ высшей степени симпатичный человѣкъ, онъ работаетъ непрерывно. То онъ по цѣлымъ часамъ пишетъ различныхъ „Русалокъ“, „Трубадуровъ“ и пр., то онъ идетъ аккомпанировать на релетиціи, то онъ изображаетъ на спектаклѣ чуть ни цѣлый оркестръ. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ казалось и какъ другіе, лучше меня знающіе музыку, мнѣ говорили, г. Образцовъ умѣетъ изъ одного инструмента, роули, сдѣлать такъ, что опера не теряетъ сво-

его обаянія для слушателей и остается музыкальнымъ произведеніемъ. Лучшимъ, впрочемъ, доказательствомъ этого служитъ то, что никѣмъ еще изъ посѣщавшихъ театръ не было заявлено упрека въ томъ, что нѣтъ оркестра, а также и то, что театръ постоянно полонъ.

Конечно, послѣднее обстоятельство слѣдуетъ приписать тѣмъ большимъ силамъ, которыя явились у насъ, въ Екатеринбургѣ. Г. Богатыревъ, этотъ любимецъ екатеринбургской публики, человѣкъ, сумѣвшій взять симпатію всѣхъ представителей населенія, начиная съ интеллигенціи и кончая рабочимъ, не только не утратилъ голоса, но расширилъ регистръ и, пріобрѣвши лучшую игру, вызвалъ оживленныя оваціи со стороны и партера, и ложъ, и райка. Симпатичный, пріятный, мягкій, доходящій до *mi-béno!* голосъ и импозантная наружность соединяются вмѣстѣ для того, чтобы подкупить общее расположеніе. Довольно вспомнить арію „Трубадура“ изъ-за кулисъ или каватину изъ „Русалки“, для того, чтобы со мною согласился. Совершенно вѣрно, что *mi-béno!* не встрѣчалось въ данныхъ операхъ, но мнѣ лично извѣстны силы г. Богатырева, для того, чтобы я могъ смѣло сказать. Конечно, эта нота берется фальцетомъ, но и такіе фальцеты рѣдки.

Я началъ съ г. Богатырева по той простой причинѣ, что онъ дорогъ Екатеринбургъ не только потому, что теперь онъ прекрасно исполняетъ арію оперъ, но также и потому, что Екатеринбургъ можетъ сдѣлать сравненіе, какъ его любимецъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Теперь перейду къ нашей русской извѣстности, о которой даже Италиа говорила, какъ о феноменѣ, перейду къ Меньшиковой.

Имя Меньшиковой изъ газетъ, слуховъ и т. д. было извѣстно екатеринбуржцамъ; всѣ знали, что это есть одна изъ первыхъ примадоннъ русской оперы. Въ настоящее время она посѣтила нашъ скромный уголокъ. Кромѣ благоденности и восхищенія передъ громаднымъ талантомъ, мы ничего не можемъ высказать даровитой и заслуженной артисткѣ. Нечего говорить объ исполненіи, съ точки зрѣнія вокальной и музыкальной. Она извѣстна не только Россіи, но и родинѣ музыки, Италиі; и тамъ даже признана она пѣвицею высшей школы. Поэтому, не касаясь ея музыкальныхъ дарований, перейду къ оцѣнкѣ исполненія драматическихъ моментовъ. Рѣдко приходится встрѣчать соединеніе талантовъ музыкальнаго и драматическаго. Въ лицѣ Меньшиковой мы находимъ эту особенность: такъ, напримѣръ, въ партіи Леоноры, въ „Трубадурѣ“, она проявила пониманіе глубоко-трагической роли любящей женщины, пожертвовавшей жизнью изъ-за любимаго существа; исполнила она эту партію безукоризненно. Не буду говорить о другихъ операхъ. Екатеринбургцы настолько обладаютъ вкусомъ, что лучше меня оцѣнятъ достоинство игры г-жи Меньшиковой въ другихъ операхъ. Перехожу къ другимъ участникамъ „Société“.

Сильный, молодой и свѣжій голосъ г-жи Вафей вызывалъ постоянныя аплодисменты. Партія Азучены была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, исполнена г-жею Эйбоженко, прославившеюся пѣвицею. Сравнивая оба исполненія, нельзя сказать, чтобы г-жа Вафей что-либо теряла. Судя по пріему, этого не видно. Звучное, полное контръ-альто ласкало слухъ посѣтителей и невольно заставляло восхищаться красотами голоса, въ которомъ каждая нота, видимо, отлачалась тщательною обработкою.

Въ подтвержденіе того, что „Société“ составлено прекрасно, могу сослаться на то, что и г. Лавровъ, басъ, лучшую и труднѣйшую партію, какъ въ сценическомъ, такъ и въ вокальномъ отношеніи, мельника—въ „Русалкѣ“—исполнилъ превосходно. У него есть умѣнье сберечь голосъ до конца партіи, что заставляеть похвалить хорошую выработку голоса.

Какъ слышно, г. Гилевъ приложилъ трудъ къ разученію хора для „Жизни за Царя.“ Въ Трубадурѣ онъ не испортилъ общаго впечатлѣнія, а въ исполненіи роли графа „Луна“ онъ былъ на своемъ мѣстѣ *Глубоко тронутый зритель.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ НЕДѢЛИ“.

Изъ Тагила. 16-го числа, т. е. на второй день коронаціи, по окончаніи литургіи, всѣ учащіеся являть земскихъ школъ, въ количествѣ 500 человѣкъ, если не болѣе, были собраны

въ Выйской школѣ, какъ одной изъ болѣе просторныхъ по своему помѣщенію. Празднованіе началось благодарственнымъ Господу Богу молебніемъ, въ служеніи котораго принимали участіе законоучители мѣстныхъ школъ, съ протоіереемъ во главѣ, всѣми уважаемымъ о. Іоанномъ Флавіановымъ. Изъ лицъ, такъ сказать, причастныхъ къ школѣ, кромѣ учителей и учительницъ, присутствовали: г. инспекторъ народныхъ училищъ, члены училищнаго совѣта и попечители мѣстныхъ школъ. Немало набралось и публики. Предъ началомъ молебна, о. Іоаннъ Флавіановъ сказалъ приличную случаю рѣчь. Служеніе молебна совершалось весьма торжественно; приглашенныя пѣвчіе пѣли довольно стройно. Не смотря на массу народа, въ школѣ царила полная, невозмутимая тишина, и всѣ, видимо, съ особеннымъ благоговѣніемъ относились къ совершаемому. Передъ пѣніемъ „Тебѣ Бога хвалимъ“ была произнесена теплая, задушевная рѣчь законоучителемъ Галлянской школы о. Николаемъ Кудрявцевымъ, а за нимъ съ привѣтственнымъ словомъ обратился къ дѣтямъ г. инспекторъ. Громкое „ура“ массы присутствующихъ было отвѣтомъ на это привѣтствіе. Затѣмъ пѣвчіе, вмѣстѣ съ учащимися, нѣсколько разъ исполнили гимнъ „Боже, Царя храни!“ сопровождаемый каждый разъ восторженнымъ „ура“. Послѣ непродолжительнаго перерыва, послѣ молебна, было приступлено къ раздачѣ дѣтямъ различныхъ лакомствъ, а также подарковъ, состоявшихъ изъ коронаціонныхъ брошюръ и альбомовъ, заключающихъ въ себѣ портреты царей дома Романовыхъ.

Торжественное служеніе молебна, весьма приглядный видъ школы, убранной зеленью, громкое, восторженное „ура“, потрясавшее стѣны школы—все это, вмѣстѣ взятое, производило весьма отрадное впечатлѣніе. А дѣти? Нужно было видѣть этихъ дѣтей, видѣть ихъ радость и довольство, такъ ясно надписанныя на лицѣ каждого изъ нихъ, чтобы понять ихъ состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить и все значеніе устроеннаго для нихъ праздника, благодаря которому неизгладимой чертой отразится въ печатлительной душѣ каждого ребенка и то событіе, въ честь котораго былъ устроенъ этотъ праздникъ. Вечеромъ этого дня и слѣдующаго, всѣ школы были иллюминированы и украшены вензелями, сдѣланными изъ зелени, а днемъ украшались флагами.

Насколько намъ извѣстно, чествованіе совершившагося, дорогаго для всей Россіи, событія совершалось не въ однѣхъ только тагильскихъ, но и во всѣхъ школахъ уѣзда. Иллюменованіе школъ, раздача подарковъ—все это было сдѣлано упрвою.

Н. Т.

Изъ Михайловскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда. У насъ опять столкновеніе заводскихъ крестьянъ съ мѣстнымъ заводоуправленіемъ изъ-за обладанія общественною площадью. эта довольно порядочнаго размѣра и находится какъ-разъ въ самомъ центрѣ нашего завода. Въ срединѣ ея стоитъ построенная крестьянами, назадъ тому лѣтъ 50, деревянная церковь; по одну сторону церкви—памятникъ „освобожденія отъ крѣпостной зависимости“ (воздвигнутый тоже крестьянами), а по другую—нѣсколько деревянныхъ лавокъ и возовые „базарные“ вѣсы, устроенные, кажется, на церковныя средства, для бывающихъ тутъ торжковъ, и арендный доходъ со всего этого—далеко еще до паденія крѣпостнаго права и по настоящее время—собирался въ пользу церкви. На этой-то самой площади заводоуправленіе и выстроило, ко времени празднованія прошедшей коронаціи, нѣсколько разныхъ качелей для народа. Само-собою разумѣется, что за такую невинную любезность михайловцы должны были-бы только благодарить услужливое заводоуправленіе; но, къ прискорбію, выстроенныя качели, какъ-разъ, пришлось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви и ужъ очень тѣсно вокругъ вышеупомянутаго памятника, украшеннаго, между прочимъ, св. иконами. Близость общенародныхъ игръ, съ ихъ неистойнымъ шумомъ, къ единственнымъ въ заводѣ святилищамъ—сильно оскорбляла религиозныя чувства нашихъ крестьянъ, и они потребовали, во чтобы-то ни стало, поодъ угрозою личнаго самоуправства, немедленно сломать ненавистныя имъ качели. Но на сдѣланный по этому поводу запросъ, заводоуправленіе категорически отвѣтило мѣстному волостному правленію, что не только не сломаетъ качелей, но даже и спрашивать

кого-либо объ устройствѣ ихъ не считаетъ себя обязаннымъ, такъ какъ земля, на которой онѣ построены, принадлежитъ заводу. Отвѣтъ этотъ сильно взволновалъ нашихъ крестьянъ. Громадныя толпы ихъ собирались на площади около качелей и бурно шумѣли. Если только удѣляли качели, такъ единственно потому, что большинство благоразумныхъ крестьянъ опасалось (и не безъ основанія) заводоуправленія, которое могло прогнать всѣхъ „недовольныхъ“ съ работы и, слѣдовательно, лишитъ ихъ „куска хлѣба.“

На этомъ-было все и остановилось: качели просуществовали еще нѣсколько дней, а обычный у насъ во время праздника Вознесенія крестный ходъ и молебствіе около вышеупомянутаго памятника—были отложены. Однако крестьянъ нашихъ ждала новая, еще большая неурядица.

Имѣющаяся на спорной теперь площади деревянная церковь—единственная въ нашемъ большомъ заводѣ. Отъ 50-лѣтняго своего существованія она пришла въ такую ветхость, что крестьяне наши рѣшились недавно приступить къ постройкѣ новой, каменной церкви, и на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ старая. Про это рѣшеніе узнало какъ-то заводоуправленіе. И вотъ, чтобы отмстить михайловцамъ за неурядицу о качеляхъ, оно прислало надняхъ въ волостное правленіе и церковному причту двѣ бумаги, въ которыхъ, признавая вышеописанную общественную площадь своею собственностью, требуетъ, чтобы всѣ, за исключеніемъ церкви, крестьянскія постройки на ней, слѣдовательно: вѣсы, лавки, памятникъ и сараи, были немедленно сломаны и убраны, а относительно самой церкви предупреждаетъ, что заводоуправленіе будетъ терпѣть на этой площади существованіе только старой церкви, а строить на томъ же мѣстѣ новую воспрещаетъ.

Эта послѣдняя выходка заводоуправленія не на шутку обидѣла нашихъ крестьянъ. „Какъ же такъ—говорятъ они,—мы съ прежними-то господами вонъ сколько годовъ жили, да промежъ насъ никакихъ азартковъ не выходило, а эти господа всего-то день съ уповодомъ прожили, да и то норовятъ у насъ церковь да памятникъ оттягать?“ Человекъ, близко стоящій къ нашимъ крестьянамъ, легко можетъ понять, сколько горечи и скрытаго недовольства заключается въ этихъ безыскусственныхъ словахъ. И дѣйствительно, по какому праву заводоуправленіе распоряжается такъ относительно площади? По крайней мѣрѣ „Уставная Грамота,“ 50-лѣтняя давность владѣнія обществомъ церковью, планъ, утвержденный горнымъ правленіемъ, и, наконецъ, 37 и 44 ст. „Мѣст. Полож. Великоросс.“—говорятъ противъ этого права. Поэтому желательно, чтобы заводоуправленіе оставило свои притязанія на общественную площадь и тѣмъ успокоило-бы и безъ того уже сильно раздраженныхъ михайловцевъ.

Никто.

Письмо къ редактору.

Удивляюсь, Милост. Г. Г. Редакторъ, кто это у Васъ въ „хроникѣ“ пишетъ такіа несообразныя вещи: много-де ныли въ городѣ, дышать невозможно! Дума-де ничего не предпринимаетъ для ея уничтоженія! Статочное-ли дѣло—уничтожить ниль! Нешто ниль-то отъ думы? Отъ Бога она, Государь мой! Его святая воля: жарко, потому и ниль... Вонъ, пожалуй, въ другихъ городахъ ее не только сметаютъ, но даже улицы поливаютъ по два раза въ день, да развѣ это порядки? Ни Боже мой!

И съ какой это стати газетчики Ваши выдумываютъ, все какъ бы почудитъ, ей Богу, право! Ниль, грязь, канальные тротуары, непроѣздная мостовая—все это отъ Бога... Нѣтъ, т. е. тротуары-то да мостовая—тѣ, признайся, сами по себѣ! Вѣдь, пожалуй, какой-нибудь озорникъ настроичитъ у Васъ, что по бульварамъ ходить нельзя, что стоящіе ребромъ кремни рѣжутъ ноги, что барьеры поломаны шляющимися безъ призора скотомъ, что всѣ деревья гибнутъ; словомъ: все то, что создавалось годами, не поддерживается, а разрушается самымъ безардоннымъ манеромъ.... Такъ развѣ кто виноватъ, что коровки зря ходятъ? Безъ молочка-то тоже, пооди, не проживешь! Развѣ кто причиненъ, что деревья сохнутъ и гибнутъ? Неуж-

то и ихъ поливать? Въ лѣсу растутъ же безъ поливаки въ лучшемъ видѣ... Положимъ, ваши газетчики—чтобы имъ пусто было—Г. Редакторъ, напишутъ, что проспектъ, называемый Нуровскимъ, представлявшій два года назадъ какую-то безобразную *поскотину*, теперь, понавши въ частныя руки, благодаря г. Дитрихъ, превратился въ прелестное мѣсто для прогулокъ; такъ вѣдь г. Дитрихъ нѣмецъ—ему все едино: страха Божія въ немъ, противъ нашего брата, православнаго, во много кратъ меньше; онъ, когда сунъ, поливаетъ деревья, на зиму ихъ обвязываетъ, ну и доводитъ-де дѣла... Нѣтъ, не хвалю я Вашихъ писакъ; суются, гдѣ ихъ не спрашиваютъ! Матерь наша, дума, сама въ лучшемъ видѣ понимаетъ, что нужно и полезно для насъ, слугъ ея вѣрныхъ. Не станеть пыли, грязи—больныхъ будетъ меньше. Чѣмъ же докторамъ тогда жить придется? Они тоже, пооди, нить-ѣсть хотятъ! Выровняй только проспекты, да тротуары—сапоги-то на годъ или дольше хватятъ, а тогда что саночки дѣлать будутъ? Исправь мостовую—экипажи ломаться шабашъ. Лошади увѣчаться тоже перестанутъ: каретникамъ да коноваламъ „мать“ прійдется! Такъ-то!

И все-то къ пользѣ нашей старается дума, а писави эти ее-же, голубушку, урекаютъ!

Сдѣлайте такую великую милость, Г. Редакторъ, не позволяйте Вы писать ничего въ критику: самое лучшее дѣло хвалить все тулаемъ, силою! Оно и для сердца умилительно, и на душѣ покойнѣе, и душѣ пріятнѣе!

Съ почтеніемъ пребыть честь имѣю

Листаръ Неждѣшнихъ.

Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ.

Въ „Ек. Недѣля“, № 22-й, въ хроникѣ, я прочиталъ, что гг. пріѣзжіе оперные артисты, по незванію, вмѣсто роля, получили изъ моего магазина „цимбалы“. Меня крайне удивляетъ, почему господинъ хроникеръ употребилъ эту фразу. Неужели господа артисты не могутъ дать различія между инструментами: цимбалы и ролямъ? Не мѣшало бы господину хроникеру обвинить меня даже и въ томъ, что въ театрѣ сыро, нѣтъ резонансу и проч., и проч. Но больше всего удивляюсь, что въ нашемъ екатеринбургскомъ обществѣ, къ великому нашему несчастію, находятся люди, которые изъ любви къ искусству, стараются подставить ближнему ногу. Обращаюсь къ ролю, который названъ цимбалами. Уже одно то можетъ противорѣчить названію, что господа оперные артисты, беря у меня инструментъ, лучше хроникера понимали, цимбалы ли это, или роля! Еслибы инструментъ былъ дурень, они не продолжали бы нѣтъ, подъ его звуки, четвертый спектакль. Въ этой пустой фразѣ: въ названіи моего роля цимбалами, я усматриваю желаніе господина хроникера повредить репутации моего магазина. Долгомъ считаю добавить, что я музыкальную торговлю веду въ г. Екатеринбургѣ уже пятый годъ, по-возможности, стараюсь дополнять и улучшать свой магазинъ, не считаю себя виновнымъ передъ публикой, что мнѣ приходится выписывать много хорошихъ нотъ и ролей, которые подолгу стоятъ безъ требованія. Въ этомъ случаѣ публику обвинять нельзя. Можно смѣло сказать, здѣсь городъ музыкальный, вина во многомъ можетъ пасть на нѣкоторыя личности, которыя, ради своихъ мелкихъ разчетовъ, стараются повредить моему музыкальному магазину, а равно и мнѣ, какъ артисту.

Л. Цеслинскій.

БѣДНЫЙ МАКАРЬ.

(Разсказъ.)

III

Мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, когда я окончилъ ученіе. Надо было за дѣло приниматься—хлѣбъ добывать. Въ тѣ времена—давно вѣдь тому, государь мой—одна торная дорожка была: пристроиться куда-нибудь „въ судейскіе“ да дослужиться до чина. Человѣку нечиновному жить было совсѣмъ невозможно. Родитель мой служилъ журналистомъ въ казначействѣ, а меня водворили писцомъ въ уѣздный

судъ. Кличка моя и на службу за мною послѣдовала; сбѣгать куда-нибудь, соръ да дрызгъ въ канцеляріи прибрать; продежурить два-три дня сряду, дѣла подшить, перья очинить—вездѣ „Макарка“.

— Эй, „бѣдный Макаръ“, сдѣлай то, другое, третье!... И дѣлалъ-съ!

Только послушаніемъ, да повиновеніемъ старшимъ и можно было до куска хлѣба добиться... Докладывалъ я уже намъ, Ниль Петровичъ, что остроты у меня не было, за то кротостью наградила Богъ; иные нахрапомъ срывали копѣйку съ просителя, а я смиренствомъ бралъ. Видишь, бывало, какой-нибудь мужичекъ по своему дѣлу въ нашу Содому-Гоморру идетъ, выбѣжишь на крылечко, встрѣтишь его, разспросишь, направишь: какъ и что, посулишь дѣло сдѣлать—глядь: рублишко-другой въ карманѣ и зашевелится. Первоначала какъ-то совѣсть заирала выпрашивать, а потомъ втинулся, и такъ гладко дѣло пошло, точно подъ гору катишься. Съ одной стороны, безъ этого и обойтись было невозможно—нужда! Жалованье такое получали, что—вспомнишь—смѣшно становится, а съ другой—такое ужъ заведеніе въ тѣ времена было...

Вмѣстѣ со мною служилъ вѣковѣчнымъ архивариусомъ старичекъ одинъ, Василій Исаичъ Крестовоздвиженскій; изъ духовнаго званія до губернскаго секретаря дослужился, при нялъ архивъ уѣзднаго суда, да такъ до самой смерти при немъ и состоялъ. Добрый человѣкъ былъ, покойникъ... Когда приняли меня писцомъ, увидѣлъ онъ, что я словно въ лѣсу, что только лѣпный надо мной не издѣвается и не помпаетъ; онъ, бывало, мнѣ и то растолкуетъ, и другое... Началъ и къ нему похаживать. Домишко у него на краю города свой собственный былъ—еще отъ дѣда достался—маленькій такой, ветхонькій... Комнатки—клѣтки, подваломъ какимъ-то въ нихъ нахло, а какъ прійдешь, бывало, такъ на сердцѣ-то и тепло, и свѣтло станеть... Вотъ и теперь, Ниль Петровичъ, много, много тому годовъ прошло, и упалъ я, низко упалъ, черезъ свою несчастную слабость, а словно молодѣешь, какъ только вспомнишь объ этихъ тѣсныхъ комнаткахъ въ покосившемся домишкѣ. А отчего? Оттого, что въ нихъ и сердцемъ жить началъ... молодость моя и всѣ ея радости родились и выросли въ этомъ домишкѣ, да тамъ онъ и похороненъ...

Василій Исаичъ вдовый былъ. Жилъ онъ со своей дочкой, Машей; было ей въ ту пору годовъ семнадцать... Не могу сказать, что бы красавица она изъ себя была, нѣтъ, государь мой, Ниль Петровичъ,—не красавица, а лучше всякихъ красавицъ: разъ взглянешь на нее, да ужъ до самой смерти не забудешь! Каріе глазки въ дугу, кажется, заглядывали... Посмотришь—она усмѣхнется; словно ясное солнышко изъ-за тучки выглянетъ, такъ и озаритъ тебя всего... Какое-бы горе не было на сердцѣ—а его, при нашей собачьей должности да бѣдности, весь вѣкъ не избытъ,—прійдешь къ Крестовоздвиженскому, взглянешь на Машеньку, на ея улыбку милую, и всякая скверна житейская какъ въ воду канетъ, и слѣда отъ нея не останется!

Слюбилась мы крѣпко, Ниль Петровичъ! Старикъ Крестовоздвиженскій видѣлъ наши чувства и не препятствовалъ, словно зная, покойникъ, что недолго прійдется ему на свою Машеньку порадоваться. Сравнялось мнѣ двадцать лѣтъ, а ей восемнадцать исполнилось; меня помощникомъ столоначальника назначили—мы и повѣчались.

Вотъ, говорятъ люди: „Бѣдные женятся—только нищихъ плодить“, точно у бѣдныхъ ни сердца, ни чувства нѣтъ; словно только богатымъ можно семью имѣть да по человѣчески жить... Бѣдны мы были деньгами, точно, но зато богаты совѣтомъ да любовью, миромъ да согласіемъ... Правда—не потаю,—трудненько иной разъ приходилось, особливо послѣ того, какъ умеръ старикъ тесть; рабочихъ-то силъ убавилось, а расходовъ прибыло: сына намъ Богъ послалъ!

Прежде, бывало, Машенька всѣ дѣла по хозяйству домашнему вела и на людей нить успѣвала, а теперь, съ сынишкой-то да съ разными его хворями, и отъ питья надо было отказываться, и за хозяйствомъ уже не тотъ присмотръ сталъ; но я, какъ передъ Богомъ, доложу вамъ, Ниль Петровичъ, работая, словно лошадь, и днемъ, и до поздней ночи, и въ

судь, и на дому, никакой усталости не чувствовал, ни единой минутки не сожалѣлъ о томъ, что семья на плечахъ лежитъ, потому что работалъ-то я для моего друга сердечнаго — Машеньки! Правда, бывали мы, по русской пословицѣ: „Часомъ—съ квасомъ, а порой—съ водой!“ но все-же жили такъ, что люди добрые намъ завидовали. Прожили мы лѣтъ девять и вѣкъ-бы такъ изжить хотѣлось, да, видно, Бога, Царя Небеснаго, забыли: послалъ Онъ намъ испытаніе.

Однажды прихожу я со службы домой. Коля, сыннишка, встрѣтилъ меня да и говорить:

— Не шуми, папа: мама нездорова лежитъ!

Я къ ней, спрашиваю: что съ тобой, Машенька?

— Такъ ничего особеннаго, голова что-то болитъ да подъ ложечкой неловко. Пройдетъ!

И точно: полежала немножко и встала, а все какъ-то блѣдна и неспокойна ходитъ. Разъ вечеромъ и говорить: „Знаешь, Макарушка, кажется, намъ Богъ дочку даровать хочеть!“ Какъ услышалъ я это, государь мой, Нилъ Петровичъ, такъ даже заплакалъ отъ радости: очень желалось намъ дочку имѣть, но послѣ того, какъ Коля родился, восемь лѣтъ моя Машенька бесплодна была... Понятное дѣло, оберегалъ я ее пуще зеницы ока; кухарку нанялъ, самъ дрова носилъ, печи топилъ, чтобы только не обременять ее, мою голубушку... Она же все прихварывала. Много разъ предлагалъ я ей съ докторомъ посоветоваться—не хотѣла: „Вотъ, говоритъ, нѣжности какія, время придетъ и нездоровье пройдетъ!“ Хорошось-съ!... Наконецъ, 29 Іюня, какъ разъ на Петровъ день, почувствовала она себя совсѣмъ нехорошо.

— Сходи, говоритъ, Макарушка, за бабкой: мнѣ что-то очень не-по-себѣ“...

Побѣжалъ я, знаете-ли; дома не засталъ старуху, къ дружкой кинулся—привелъ, слава Богу, а ужъ Машенька-то и сильно мучаться начала.... Только, среди хлопотъ да безпокойствъ, никому и не въ домекъ, что Коленки въ домѣ нѣтъ.

Бываютъ, государь мой, такія минуты въ жизни, что цѣлыми годами онѣ кажутся: въ одинъ мигъ вся жизнь, какъ на ладони передъ тобой видна сдѣлается! Вотъ эдакія-то минуты и старитъ человѣка на десятки лѣтъ, въ эдакія-то минуты и волосы сѣдѣютъ и самъ осунешься, словно цѣлую жизнь прожилъ....

Что я перечувствовалъ, слыша стоны моей голубушки, да видя, какъ она пересиливаетъ себя, чтобы меня не очень безпокоить, знаетъ только Господь Царь Небесный! Наконецъ, эдакъ часамъ къ пяти, къ самымъ вечернямъ, бабушка съ дочкой меня поздравила. Я кинулся къ Машенькѣ, а она лежитъ блѣдненькая, истомленная, а веселая такая.

— Ну, видишь,—вымолвила,—родной мой, и я жива осталась, и дочка у насъ есть... Охватила меня руками за шею, да крѣпко прижала къ себѣ—цѣлуетъ; а я и не помню себя отъ счастья и не знаю, на землѣ-ли я, или на небѣ!

IV.

— Коленка-то гдѣ-же? Пусть придетъ на сестрицу поспотрѣть,—обратилась Маша къ бабушкѣ, что тутъ же новорожденную укладывала въ колыбельку.—Что это за шумъ. Макарушка? Узнай скорѣй! Ужъ не пожаръ-ли, избави Богъ!

А около нашего домика, дѣйствительно, народъ собрался: шумятъ, плачь чей-то доносится... Я выбѣжалъ во дворъ, взглянулъ да и не могу сразу-то сообразить, что тутъ происходитъ.

Весь дворикъ нашъ запруженъ народомъ; два человѣка держатъ на рукахъ моего Коленку; какія-то женщины хлопчотутъ около него, плачутъ... Увидѣли меня и всѣ смолкли; только отдѣлился отъ толпы одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ:

— Неисповѣдимы пути Божии, Макарь Павлычъ, Господь далъ, Господь и отъялъ... Покориться надо...

Я все еще не могу въ толкъ взять, хотя и чувствую, что какое-то великое несчастье насъ постигло: что-то страшное съ Коленкой сдѣлалось. Ужасъ охватилъ меня, ноги точно приросли къ мѣсту, словно свинцомъ налитыя стали; наконецъ, бросился я къ нему, моему голубчику, выхватилъ его изъ рукъ у тѣхъ людей, а онъ холодный, какъ льда кусокъ; головка закинулась, полуоткрытыя глазки точно стеклянные, мутные... Мертвелькой мой Коленка, умеръ радость моя!

Что-то говорили мнѣ, кто-то въ комнату меня повелъ, водой лицо вспрыскивали, ничего этого въ то время понять я не могъ; только одно ясно помню—это чей-то крикъ, одинъ только крикъ, но онъ, какъ острымъ ножомъ, рѣзнулъ меня по сердцу! Но не зналъ: я-ли это крикнулъ, или другой кто, но съ той поры гдѣ-бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, а этотъ вопль постоянно въ моихъ ушахъ раздается, и надо мнѣ его заглушить, заглушить!

Одна бѣда не приходитъ, Нилъ Петровичъ; „пришла бѣда—отвори ворота“, другую жди. Такъ и со мной было! Когда Машенька, услышавъ говоръ да шумъ, послала меня узнать, старуха-бабушка тоже кинулась на улицу и, увидѣвъ мертвельку Коленку да и меня-то въ эдакомъ, такъ сказать, остолбенѣніи, прибѣжала назадъ да сразу Машенькѣ-то и объявила:

— Бѣда! сынокъ твой, сударыня, Богу душу отдалъ, а и супругъ-отъ, кажись, разсудкомъ порѣшимшись: истуканомъ какимъ-то стоитъ....

Маша, какъ была въ постелѣ, вскочила, къ двери бросилась.... а ей навстрѣчу покойника несутъ и меня подъ руки вводятъ! Вотъ ея-то вопль и услышалъ я въ то время, слышу его по сейчасъ да и въ могилу унесъ съ собою!

Макаръ Павлычъ умолялъ, облокотился руками на столъ и закрылъ ими лицо. Мертвая тишина, царившая въ залѣ, изрѣдка нарушалась пронзительнымъ звукомъ свистковъ маневрировавшихъ локомотивовъ. Наконецъ, онъ выпрямился, глубоко вздохнулъ и сказалъ мнѣ.

— Простите, государь мой, старику его болтливость: легче становится, когда выскажешь доброму человѣку горе свое... Утруждаю я васъ моимъ разсказомъ?

— Напротивъ, почтеннѣйшій Макаръ Павловичъ, я слушаю васъ съ живѣйшимъ участіемъ, и если вы не очень утомились, то я попросилъ-бы васъ продолжать.

— Своя ноша плечи не тинетъ, Нилъ Петровичъ, прошлое горе тяжело, спору нѣтъ, но еще тяжелее настоящее... Такъ вотъ-съ... На чемъ, бишь, я остановился? Да, вспомнилъ.

Въ то время, какъ я бѣгалъ за бабкой да хлопоталъ около больной Машеньки, Коля мой, видя суматоху въ домѣ, пошелъ къ сосѣдямъ: у него тамъ товарищи-однолѣтки были; старшихъ въ домѣ тоже никого не случилось; день праздничный—дѣти и вздумали идти купаться, жарко было; докладывалъ я намъ, что на Петровъ день все это происходило. Рѣка у насъ, въ Митрофаньевскѣ, неглубока, но мѣстами омуточки есть такіе, что, кажется, и дна въ нихъ нѣтъ; раздѣлись ребята, у бережка плещутся, раковинками играютъ, водою брызжуся... Тутъ еще подошло нѣсколько мальчиковъ—тоже купаться пришли. Одинъ изъ нихъ, постарше, дошелъ до середины рѣки и кричитъ:

— „Что вы, ребята, въ грязи-то барахтаетесь? Смотрите-ка—вотъ гдѣ настоящее купанье!“

Коля мой и пошелъ къ нему, да должно полагать, на омутъ угодили, оступился—плавать онъ не умѣлъ,—маметъ рученками, а справиться не можеть! Крикнулъ что-то разъ, другой и пошелъ ко дну! Видятъ дѣти, что дѣло плохо, кинулись, которые къ нему, а которые бѣжать бросились—людей сзывать. Собрался народъ, вытащили его, и отгирали, и откачивали—нѣтъ, не воскресили! Сосѣдскія дѣти сказали, что это мой мальчикъ, его и принесли къ намъ въ то время, когда дочку Богъ послалъ.... Невѣдомы намъ, грѣшнымъ, пути провидѣнія, не намъ судить о нихъ: одна жизнь въ этотъ мѣръ вошла, а другая въ иной, лучшей, переселилась!

Разсказывать-ли, Нилъ Петровичъ, дальше-то?—Крикнула Машенька, увидѣвши тѣло своего первенца; упала-бы на полъ, да ее люди добрые на руки подхватили; положили на постель и больше она уже въ себя не приходила.... Черезъ два дни стояли въ нашемъ домикѣ два гроба: матери и сына, и тутъ-же у стѣнки и колыбелька съ дѣвочкой, не понимавшей еще, сколько горя и несчастья принесло мнѣ ея рожденіе!

Я не плакалъ—слезъ у меня не было. Какой-то комъ подступилъ къ горлу; что-то, какъ тисками, сжало грудь; ни сожалѣнія, ни тоски я не чувствовалъ, равнодушно ходилъ отъ одного гроба къ другому: кисейку, что лица у покойниковъ были закрыты, приподниму, поцѣлую ихъ, какъ чужихъ,

будто предо мной лежатъ ни Маша, ни Коля мои дорогіе, за которыхъ я съ радостью свою-бы жизнь отдалъ, а чьи-то посторонніе. Самъ я ни къ чему рукъ не прикладывалъ, все добрые люди сдѣлали. Наконецъ, пришелъ священникъ, отслужилъ панихиду. Въ церковь понесли покойниковъ, и я пошелъ туда же. Дали мнѣ зажженную свѣчку, потомъ взяли ее отъ меня; подвели къ Машенькѣ, къ Колѣ проститься въ послѣдній разъ: поцѣловалъ я ихъ, покрестилъ, какъ бывало на сонъ грядущій дѣлалъ! Откуда-то, издалека, доносилось ко мнѣ пѣніе дьячковъ: „Цѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ!“... потомъ „Вѣчная память!“ а дальше.. Дальше ужъ я ничего не помню!... Со мной сдѣлалась нервная горячка, и меня прямо изъ церкви увесли въ больницу.

Ниль А—гъ.

(Продолженіе будетъ.)

Редакторъ-издатель П. Штейнфельдъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Екатеринбургская контора Государственного банка имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что пріемъ денегъ во вклады сберегательной кассы, а равно и выдача ихъ изъ оной, будетъ производиться конторой съ 1-го Юня сего года, кромѣ опредѣленныхъ прежде дней, Понедѣльника и Пятницы, еще и по Воскресеньямъ съ 10 до 12 часовъ утра, если въ этотъ день не будетъ двенадцатаго или высокоторжественнаго праздника.

Управляющій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Θ. Миллеръ.*

Директоръ *В. Павловъ.*

И. д. секретаря *К. Барклай-де-Толли.*

Продается мягкая мебель, совершенно новая. Залчій пародокъ, д. Столарева; подъѣздъ съ улицы. Видѣть можно ежедневно, преимущественно утромъ отъ 11 до 1 часу.

ОТКРЫТА ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, издаваемый въ г. Тифлисъ

(годъ третій).

Журналъ, какъ и прежде, выходитъ по Четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, кромѣ приложений, по прежней программѣ.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа: Тифлисъ, Сололакская улица, д. № 10.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою, на полгода 6 р.

Полугодовые подписчики могутъ вносить при подпискѣ 3 р. и чрезъ два мѣсяца еще 3 р.

Подписка принимается на 3 мѣсяца—3 р. 20 к., и на 1 мѣсяць 1 р. 25 к.

Отдѣльные номера—25 к.

Объявленія, казенныя и частныя, по таксѣ за занимаемое мѣсто.

Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова.

Редакторъ-издатель *А. С. Френкель*
(присяжный повѣренный).

ОСУШКУ сырыхъ домовъ, работы по устройству отопленія и вентиляціи принимаю на себя. Салдатская улица, домъ Григорьевой.

ПРОДАЕТСЯ ДОМЪ въ Мельковой—квартира изъ 11 великолѣпно отдѣланныхъ комнатъ; при квартирѣ роскошный садъ (домъ, бывшій Чубаркова, нынѣ Ушакова). Всѣ квартиры отдаются по весьма сходнымъ цѣнамъ.

Со столомъ двѣ комнаты, выѣтъ и порознь, опрятно содержимыя, отдаются въ домѣ Азбиловой, по Шекровскому просян.

ОТДАЕТСЯ КВАРТИРА по Тихвинской ул., въ домѣ занимаемомъ гостинницею „Казань“. Объ условіяхъ спросить въ магазинѣ Золотова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ: АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ и КАРТИНЪ КОРОНАЦІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

ДЕСЯТЬ РОСКОШНЫХЪ, БОЛЬШИХЪ КАРТИНЪ, исполненныхъ красками, тонами и фотографіей извѣстными русскими художниками. Всѣ картины и рисунки печатаются на плотной, глазированной бумагѣ. Размѣръ каждой картины 13 вершк. длины и 10 ширины. Къ альбому будетъ приложено 10 листовъ, украшеннаго золотыми и цвѣтными вишетами, текста.

ВОТЪ ПЕРЕЧИСЛЕНІЕ КАРТИНЪ АЛЬБОМА:

I. Портреты Ихъ Величествъ. На этой картинѣ изображены во весь ростъ, въ полномъ императорскомъ облаченіи, норфирѣ и коронѣ, Государь Императоръ и Государыня Императрица, окруженные золотою вишеткою изъ императорскихъ регалій: шапкой Мономаха, державой, скипетромъ, орлами и императорскимъ трономъ.

II. Герольды объявляютъ народу, на Красной площади, о днѣ коронаціи.

III. Торжественный въѣздъ въ Москву Ихъ Императорскихъ Величествъ (согласно церемоніала).

IV. Молитва Государя у Иверской Божіей Матери.

V. Коронованіе Государя Императора (моментъ возложенія короны).

VI. Государь Императоръ коронуетъ Императрицу.

VII. Поздравленіе и пріемъ депутацій.

VIII. Большое народное гулянье на Ходынкѣ.

IX. Балъ во дворцѣ.

X. Царь и народъ. Большая жанровая картина: Государь Императоръ на улицахъ Москвы, окруженный ликующимъ народомъ. Руководствомъ при исполненіи рисунковъ будутъ служить фотографіи, снятыя съ натуры.

ПОДПИСКА НА АЛЬБОМЪ ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО ДО 1-го ЮЛЯ.

Картины и текстъ альбома будутъ вложены въ роскошный, штампованный золотомъ и черниью портфель. На наружной сторонѣ портфеля, въ тисненыхъ золотомъ медальонахъ, будутъ находиться фотографическія изображенія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Подписавшимся на альбомъ до выхода его въ свѣтъ, т. е. до 26 Мая, немедленно, по полученіи подписныхъ денегъ, высылается

НЕОБЫЧАЙНО РОСКОШНАЯ ПРЕМІЯ,

громадная, исполненная въ 25 красокъ олеографическая картина:

„СЛАВА РОССІИ“, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III и ПОДДАННЫЕ ЕГО НАРОДЫ.

Размѣръ картины 1½ арш. длины и 1 арш. ширины. Сюжетъ картины аллегорическій. Она изображаетъ фигуру Россіи, вѣнчающую Императора Александра III лаврами. Вдали видѣн храмъ Христа Спасителя, а у подножія собрался всѣ народы, населяющіе Россію, въ своихъ живописныхъ костюмахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. На альбомъ съ правомъ полученія картины „Слава Россіи“, съ пересылкою въ города, въ изящной обложкѣ: 5 р. сер.; за 10 экземпляровъ 45 р. сер. Цѣна альбому въ штампованномъ портфелѣ 7 р. Книгопродавцамъ скидка 20%.

Цѣна картины: „Слава Россіи“, въ отдѣльной продажѣ, съ пересылкою 2 рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: у А. С. Аренбергъ—Тверская, д. Мятлева; у Я. И. Эйкъ—на Дубянкѣ; у И. И. Кланга—Знаменка, д. Звѣрева, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и картинныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

ОТДАЮТСЯ КВАРТИРЫ: въ Разгуляевской улицѣ, въ двухъ-этажномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, двѣ квартиры: одна въ 5 комнатъ, а другая въ 4; при каждой квартирѣ отдѣльная кухня. Въ верхнемъ этажѣ—квартира въ 9 комнатъ. Тутъ же флигель въ 3 комнаты. Въ Водочной улицѣ, противъ площади Нового рынка продается или отдается подъ квартиру домъ изъ 5 комнатъ. Въ Мельковой—квартира изъ 11 великолѣпно отдѣланныхъ комнатъ; при квартирѣ роскошный садъ (домъ, бывшій Чубаркова, нынѣ Ушакова). Всѣ квартиры отдаются по весьма сходнымъ цѣнамъ.

ПРОДАЕТСЯ МѢСТО—длиною въ 50 и шириною въ 30 саж.—въ Мельковой, на берегу прудка, недалеко отъ вокзала.

ВО ИЗВѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ.

НАСТОЯЩІЙ ШОКОЛАДЪ РЕТАБЛІЕРЪ
Д. С. СИУИ К. №

УПОТРЕБЛЕНІЕ КОЕГО ПРИНОСИТЬ НЕСОМНЕННУЮ ПОЛЬЗУ,
МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО У ГЛАВНАГО АГЕНТА
А. Л. ШТУММЕРЪ въ МОСКВѢ,
Нижне-Кисельный переулокъ, домъ Шигаева.
ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ОТХОДЯЩЕЮ ПОЧТОЮ.

ЦѢНА ЗА ФУНТЪ 1 Р. 20 К.

ЖЕСТЯНКА 20 ЧАШЕКЪ 1 РУБ.

ПРИ ТРЕБ. ПОЧТОЙ ПРИЛАГАТЬ НА ОТПРАВКУ.

Два контрбаса и флють-гармонія, и тутъ же фазтонъ, на рессорахъ, крытый, легкій, продается въ магазинѣ Цеслинскаго, Соборная улица. Тутъ же депо Циммермановскихъ гармоній.

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА
ЛЕШЕВИНА и К. №

(и прочіихъ извѣстныхъ фабрикантовъ)

ОБОИ,**БОРДЮРЫ И ПАНЕЛИ**

поступили въ продажу въ ЛАВКѢ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА БРАГИНА, при собств. домѣ—въ Успенской улицѣ (Лагушнѣ), наискосокъ гостиницы Плотниковой,—а также имѣются въ лавкѣ, во второмъ деревянномъ корпусѣ отъ Старого гостинаго двора. 26

Въ „Дешевомъ Магази́нѣ“

вновь получены: дамскія и дѣтскія вышитыя полотняныя платья и юбки; бѣлье, какъ-то: сорочки, кальсоны, кофты, полу-пенюары, юбки, чулки дѣтскіе и для взрослыхъ и проч., а также мужское бѣлье и носки; корсеты въ большомъ выборѣ и галантерейный товаръ; все это—лучшія произведенія современной индустріи и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. 223

ШОКОЛАДЪ С. СИУИ К. №

ИЗБѢЖАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Желающихъ **СТРАХОВАТЬ** имущества въ
1-мъ РОССІЙСКОМЪ СТРАХОВОМЪ ОТЪ ОГНЯ ОБЩЕСТВѢ,
УЧРЕЖД. ВЪ 1827 ГОДУ,

просятъ обращаться въ контору Агентства—въ Екатеринбургѣ, въ домѣ Галкиной, противъ дома В. В. Кривцова.

МУЗЫКА.

Оркестръ, состоящій исключительно изъ нѣмцевъ и располагающій до 15 человекъ музыкантовъ, равно искусныхъ какъ на струнныхъ, такъ и на духовыхъ инструментахъ,—желаетъ получить къ 1-му Сентября сего года ангажементъ.

Августъ Августовичъ Брандтъ, первый скрипачъ.
Лудвигъ Яковлевичъ Црессеръ, первый корнетъ-а-пистонъ.
Адресъ въ редакціи.

Сибирскій Торговый Банкъ

симъ извѣщаетъ, что утерянная г. Черневскимъ залоговая квитанція, отъ 2 Марта 1883 года, за № 330, считается не-дѣйствительной.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО**„ВОЛГА“**

правление котораго находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, симъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что ВЪ Г. ТЮМЕНИ (Тобольской губерніи) ОТКРЫТО АГЕНТСТВО ОБЩЕСТВА для страхованія рѣчныхъ судовъ и грузовъ, доставляемыхъ сухопутно и на рѣчныхъ судахъ, и для пріема на страхъ отъ огня движимаго и недвижимаго имущества и разнаго рода товаровъ.

Агентомъ въ Тюмени назначенъ

ПЕТРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ,

имѣющій мѣстожительство въ Тычковкѣ, въ домѣ П. И. Подаруева. Приемъ застрахованій совершается на основаніи условій страховыхъ полисовъ, утвержденныхъ правительствомъ. Агентъ П. Муравьевъ.

Отдается квартира въ домѣ Чистякова, по Глав. проспекту.

Въ екатеринбургской крупчатной лавкѣ А. Ф. Поклевскаго-Козелья вновь получена крупчатная мука, вальцовая, высокаго достоинства, изъ Семипалатинской пшеницы. Цѣна одиннадцать рублей за мѣшокъ.

ЗУБНАГО ВРАЧА

Л. Э. АДЕЛЪГЕЙМЪ,

въ Москвѣ,

ИЗВѢСТНЫЯ

ЛУЧШІЯ

ГИГИЕНЧЕСКІЯ СРЕДСТВА

САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА.

для рта и зубовъ, предупрежд. кариеса, дурной запахъ и пр. Продажа во всехъ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магазинахъ Россіи. Перепродавецъ сораз. скидка.

ПОСТОЯННЫЙ БАЗАРЪ**КАЗАНСКАГО АУКЦИОННАГО ЗАЛА,**

(Петропавловская улица, противъ собора).

Въ продажѣ:

Всевозможные предметы домашняго хозяйства, музыкальные инструменты, ноты и книги, чемоданы, сундуки, саквояжи, альбомы, бьюары, бумажники, портмоне, варшавская обувь, перчатки, галстуки, цвѣты, ленты. Большой выборъ золотыхъ и серебр. вещей, также нагрудныхъ часовъ. Шубы и одежда всякаго рода. Всевозможные экипажи, городскіе и дорожные. Пожарныя, земледѣльческія и другія машины.

ПОВАРЪ опытный требуется въ отъѣздъ. Объ условіяхъ узнать у А. С. Маминой, Офицерская ул., домъ Черепанова.